

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Строительный сезон начинается

СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

1. В 1928 году подписная плата на журнал «СМЕНА» значительно снижена (на 50%) при месячной подписке) с целью пойти навстречу массовому читателю. Это мероприятие уже дало результат: в первые три месяца тираж «СМЕНИ» значительно возвысился. Однако, снижение цены на 50% не могло быть проведено без некоторого ухудшения внешности журнала (обложка в одну краску на цветной бумаге, меньший формат, штриховые иллюстрации и др.). Все же во внешности и размере журнала «СМЕНА» не уступает другим распространяемым журналам — как, например, «ОГОНЕК» (при одинаковой цене). Всекие ухудшения во внешности и объеме «СМЕНИ» могут теперь произойти лишь при увеличении тиража, чему должны помочь все читатели.

2. В содержании «СМЕНИ» в 1928 году произошли некоторые изменения: прежде всего, больше внимания уделяется приключениям и путешествиям. Напечатан приключенческий роман (№№ 1—7), печатались переводные рассказы (Де Ридз, Э. Маршалла). Основным недостатком литературно-художественного отдела является отсутствие рассказов из жизни и быта молодежи. Причина этого заключается в том, что в основном писатели из молодежи в одном из писем в редакцию один из читателей «СМЕНИ» категорически высказывает за помещение бытового, а не приключенческого материала. Редакция считает, что нельзя решать этот вопрос или — или, а: и то, и другое. «СМЕНА» в журнале будут регулярно печататься стихи и будут привлечены к большому освещению в литературно-художественном отделе тем молодежи.

3. Одним из самых главных пробелов в №№ 1—7 редакция считает недостаточное освещение непосредственно жизни и быта молодежи и работы комсомола. В этом отношении редакция целиком согласна с читателями, прислав-

шими предложения об увеличении места для бытового материала, и приняла к этому меры с № 8.

Одновременно редакция обращает внимание всех читателей «СМЕНИ» на то, что освещение жизни и быта молодежи и работы комсомола в журнале «СМЕНА» можно будет вносить активнее в одобрения читателей при широком участии в обсуждении выдвигаемых вопросов, постановкой перед редакцией вопросов, организацией фото-корреспонденций с мест и т. д.

Жизни молодежи за границей, работе комсомола на Западе и Востоке в журнале будет уделено также больше места.

4. В научном отделе редакция предлагает продолжать помещение таких статей, как «Черная кровь» (о нефти) в № 6, знакомит читателей с теми или другими основными производственными и естественными богатствами СССР, с капитальным строительством СССР, помещать регулярно страничку «В мире науки и техники», знакомит читателей с новейшими открытиями и изобретениями в области науки и техники.

5. С 1928 года в журнале введен ряд новых отделов: «Молодежь в кино», «Комсомол в фото», «Задачи и игры», регулярно (из номера в номер) печатается отдел «Шахматы» и с № 7 регулярно будет печататься «Шаши». Поступающие в редакцию письма показывают, что читатели одобряют введение этих отделов.

Одновременно редакция вновь обращается к читателям с призывом сообщать ей о всех своих предложениях по улучшению содержания журнала (конкретные темы статей и очерков, новые отделы и т. д.). Все предложения будут печататься в «Странице читателя».

Редакция журнала «СМЕНА»

НАШЕ МНЕНИЕ

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДОСУГ

Без всякого сомнения, журнал «СМЕНА» — хороший помощник в работе и «хороший друг». Кроме того, что журнал пополняет твой «внимательный багаж», заостряет внимание на волнующих в прозах, он помогает провести досуг; учит, как жить, как учиться и т. д. Достаточно упомянуть о письмах Горького, помещенных в журнале, о рас-

сказах «Бочка», «Отец», затрагивающих чисто бытовые вопросы, о большом количестве очерков, весьма полезных, рисующих быт, нравы народов, знакомящих нас с нашей страной, с достижениями науки и техники и т. д. Очерки «Люди Приамурья», «Пешком по средней Азии», «Великая невольничья дорога» и др. — это истинная находка для нас. И, наконец, то, что знакомит нас с литературными образцами, как-то: «Мак-

америкаец», «Слон помнит» и др., то, что помогает проводить досуг (шахматы, шашки, игры, ребусы) — опять — таки плюс для журнала. Конечно, всего не перечислишь. Мы имеем факты, что комсомольцы уходят на вечерки — «капустники», уходят в клубы лото, в биллиардные из-за того, что не знают, как провести свой досуг. Следовало журналу остановиться на вопросах: как провести вечер самодельности, рекомендовать игры, песни и т. д., следовало организовать переключку — обмен опытом.

Надо также поставить освещение вопросов быта комсомольца. Разве мало мешающих черточек, хулиганских выходок, закоренных привычек в быту у комсомольца, вопросы взаимоотношения полов, семьи, равнозначности среди некоторой части комсомола, бегущина и др.

Почему в журнале нет отдела критики? Громадная часть молодняка пробует свои силы на литературном поприще, а тут могут прийти на помощь критические статьи.

Не худо было бы помещать статьи политического характера.

Р. Белоусович

ДЕБТЫ НА ПОДПИСКУ

С февраля месяца получаю журнал «СМЕНА». Журнал этот интересен, но картины Дейнеке и Бряса бледны. Молодежь все любит «СМЕНА», я всячески стараюсь добыть деньги, чтобы снова подписаться на «СМЕНУ».

А. Мичук

ЗА БЫТ МОЛОДЕЖИ

«СМЕНА» нам нравится. «СМЕНА» для нас доступна и нас удовлетворяет. Такова общая оценка.

Отдел «Жизнь и быт молодежи» дает слишком мало материала. Надо бы больше места отделу «Комсомол в фото».

Отдел о кино надо расширить, материал его хотелось бы использовать при обсуждении на явках тех или иных картин. Хорошо печатать такие бытовые рассказы, по которым можно было бы вести обсуждения.

«Задачи и игры» — отдел «не вредный», интересует.

Внешность хороша, техническая сторона вполне удовлетворяет. Стихов мало.

М. Гадлин (г. Смоленск)

ЖУРНАЛ НАШЕЛ СВОЕГО ЧИТАТЕЛЯ

С первого же раза, как только я увидел журнал, мое внимание к нему приковано, и сейчас я остался с убеждением, что читатели под руководством «СМЕНИ» найдут не один, а несколько кирпичей в наше культурное строительство, в переустройство нашего быта.

Я с нетерпением жду очередного номера, я всегда надеюсь найти в журнале то, что я хочу, что-нибудь новое, и надежда меня никогда не обманывает, я с радостью констатирую, что редакция идет дальше, тем больше идет на новый путь, все больше и больше удовлетворяет читателя; стоит только раз прочитать «СМЕНУ» и всегда уже будешь постоянным читателем.

Я наблюдаю: читают ли его, интересуются ли им, нашел ли журнал своего читателя? Ответ остается в пользу журнала. Журнал читают парасхват, наравне с лучшими журналами, как «Огонек», «Красная Нива» и т. д., а то может быть и лучше. Что нужно читателям «СМЕНИ», что их особенно интересует, — это вопросы быта.

Мы начали строить новую культуру, нужно руководить этим строительством при помощи «СМЕНИ».

Надо печатать статьи на эти темы, вопросы читателей, ответы на них, письма, статьи из быта молодежи.

Печатать статьи о театре, музыке, фото-хронике. Печатать статьи о науке и технике, вообще и о радио в частности.

До этого времени статьи подбирались очень хорошие.

З. Бродский (УССР)

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ СТОРОНЫ

... Хорошие стороны журнала: журнал прост по своему содержанию, понятен его язык для неподготовленных читателей, много дают фотографии о военной технике. Молодежь в кино — это хорошо. Журнал по объему хорош. Шахматы и задачи — это все хорошо.

Плохие стороны журнала: плохие иллюстрации к рассказам, и мало их. Нужно больше давать художественных рассказов в журнале, а также и стихи. Нужно завести страничку юмор, чтобы наш литературный молодец научился писать.

Нужно дать молодежи на страницах «СМЕНИ» новые частушки для молодежи.

Аладин (Нижегородск. г.)

ДВУХ НЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НОМОСОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСОВСКОГО
НОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУНА И ТЕХНИКА.—
КИНО И ТЕАТР.—ФИЗКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 8

***

А П Р Е Л ь

***

1928

ПУТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО

(ОТ ТРАСИЛЬЩИНА МАЛЯРНОГО ЦЕХА ДО ВСЕМИРНОГО ПИСАТЕЛЯ-ХУДОЖНИКА)

Статья В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Шестьдесят лет жизни и тридцать пять лет литературной и общественной деятельности М. Горького — большое, торжественное и радостное событие всемирного значения. Это — юбилей не только гениального бровистника движения и победы класса трудящихся, каким является М. Горький, но и пролетарского творчества и культуры вообще. И особенно значителен он для молодежи СССР, участвующей в строительстве, не имеющей себе в истории примеров, и самоотверженно борющейся за культурную революцию. В такой обстановке имя М. Горького — торжкий привет несомненно учителю молодежи и от лица читателей „Смены“ присоединяемся к тому общему желанию увидеть его у нас, которое прокатилось по всему СССР.

МИЛЛИОННЫЕ массы трудящихся русского народа таили и тают в себе громадное количество скрытых и никому неизвестных сил, которые с большим трудом, в былые времена, пробивались через толщу всевозможных запретов, унижений и антикультурной ненависти враждебных классов. Сколько таких представителей народной среды, выбивавшихся невероятными усилиями, не дошли до своего расцвета, погибнув в неравной борьбе с самодержавно-поповским строем — на каторге, в ссылке за революцию и в одиночной борьбе за научно-художественное творчество, погибнув и от алкоголя и от болезней и от разлагающего влияния среды, зативавшей, как трясина. Какое было дело помещичье-поповскому строю до этих даровитых пасынков жизни, когда все, что только стремилось к свету, все, что упивалось на несправедливость царского тогда государственного строя, все, что боролось за новое социальное бытие, — объявлялось «врагами отечества» и уничтожалось самым решительным образом?

Почти исключением в этом огромном ряду обреченных на гибель талантов является А. М. Пешков, родившийся 14 марта 1869 г. в бедной семье обыкновенного рабочего красильщика. Этот мальчик, зачисленный отцом в маляры красильного цеха, что было уже с пеленок определенно ему его будущее, вдруг, неожиданно для всех, начал проявлять себя не тем, чем он должен был быть для той жизненной карьеры, о которой заботился его пролетарий отец. Еще в детских годах Алексей Максимович теряет отца и мать. Круглая сирота приятный дед, о котором мы

катся чтением дешевых книг для народа, переносятся в сказочный мир. На 9-м и 10-м году поступает в обушную магазин; од-

нако здесь он долго не уживается, бегит из магазина, попадает к какому-то чертежнику, у которого также жизнь ему показалась не по нраву. Он снова бежит и с этих пор начинает скитаться по различным должностям, хватаясь за все, лишь бы как-нибудь добыть себе кусок хлеба. Кем только он ни был! То видим мы его в иконописной мастерской, то поваренком на пароходе, то садовником. Так проходит время до пятнадцати лет. За эти годы он уже много прочитал, много узнал, приобрел кое-каких знакомых, и его еще неоднократно охватывает жажда образования. Он начинает серьезно готовиться к поступлению в учебное заведение, куда, однако, поступить ему не удалось, и он опять бросается в жизнь, не пренебрегая решительно никакой работой. Судьба заставила его быть булочником, разносчиком кваса, служить в различных торговых предприятиях; и, наконец, жизнь выбрасывает его на пристань в компанию босков, грузчиков, людей тяжелого беспросветного труда. Он работает здесь до изнеможения сил, стараясь не отставать от своих более взрослых и более сильных товарищей. Вот тут-то он впервые вплотную наблюдает тот мир, из которого в его произведениях мы впоследствии видим так много героев.

Эта тяжелая жизнь, конечно, не могла удовлетворить душевные запросы юноши Пешкова, и он напрямую продолжает тянуться к культуре.

В Нижнем-Новгороде он знакомится с присяжником поверенным Ланиным, к которому он поступает письюводителем, а Ланин оказывает на него большое влияние. Он входит к кружок молодежи, ва-

Расназ Р. ПРАГЕРА. Иллюстрации А. ДЕЙНЕКЕ

На небольшом, казалось бы, примере Р. Прагер ставит большой и интересный вопрос. Можем ли мы относиться к нашему государству так же, как это было до революции, когда власть и богатства были в руках паразитических классов? Как должно измениться понятие своего и чужого, когда мы сами, как класс трудящихся, управляем своей страной? Рассказанная Прагером история о восьми копейках — лишь одна из множества подобных ей, в которых испытывается и или побеждает или уступает сторону новое чувство хозяйского отношения не только к своим, личным, но и вещам общественного бытиа и достоинства.

ТРАМВАЙ не показывался. Синеватые облаги рельеф уходили в даль, холодно поблескивая отполированной сталью. Иные номера, грохотно прорезая стьки: трах-тах-та, трах-гах-та, позванивали насмешливо мимо, отягощенные пассажирами, как беремные двойными бабы; а вот «а-шак», нужная до зарезу, стирала где-то там — в неизвестностях. Стрелка круглых электрических часов упрямо отгадывалась сначала на пять, потом на десять минут: вагона все еще не было видно.

Всегда есть в неприходе трамвая что-то утешающее обидное. Уйти или нет? Подождать еще, что ли, три минуты? Уйдем — он тут как тут в арочко, появится? Где-то, быть может, крушение, а ты дурак дураком все будешь дожидаться?!

Чающие трамвая не умещались уже на островке безопасности; они скопились на мостовой, мешая движению и ежeminутно подвергая себя раздраженно-сильным окликам автомобильной жестиции; она все приподымалась на цыпочки и вытягивала шею вперед: не идет ли? Стоявший рядом с нею старик в чудесном пиджаке раздраженно терял сид, богатый ус; было совершенно очевидно: трамвай опаздывает в пишу ему. Старик принял это, как личную обиду.

Комсомольцу Дороницу стало скучно. Хоти он и старался всем своим видом доказывать суугубое равнодушие к поведению трамвая, однако и он порой: нет, нет, да и взглядывал вдоль по линии. И неожиданно он, меньше других обнаруживавший свое нетерпение, первым заметил медленно ползущий в гору трамвай.

Сначала показался краешек визитной карточки «А», затем полупрозрачное стекло передней площадки, наконец — и щадки, и наконец — и все пузатенькое «а-шак» тельце.

Трамвай приблизился, хрихтя, как подгагрик. Какая-то неладя была в нем: он шел с присвистом, точно пришепывая на ходу; в межколесном брехе его что-то урчало большим металлическим скрежетом.

Вагон был до отказа набит пассажирами предьущих остановок; его, казалось, расправило в ширину всходящим тестом

тел. Дороница вскопчил еще на-ходу, плечом энергично подпирая передних. До следующей остановки ему пришлось выстать на ступеньке. Он, впрочем, любил стремительный бег трамвая, быстрый и сильный ток воздуха в лицо, скольжение — до ряби в глазах — полотна мостовой. Вскоре новая толпа, ринувшись со всей силой нетерпеливого раздражения, скопившегося в ней, уволокла Дороница внутрь — мимо кондуктора, к середине вагона. Трамвай шел под гору, впрямую раскатываясь из стороны в сторону, точно порывался разнести тесную колею рельс; пассажиров то-и-дело охапкими кидало друг на друга.

Дороницу стало жарко, он отер со лба и шеи скользящие струйки пота. Блгательница копеечек, он достал восемь копеек медью и протянул их кондуктору. Дороница, однако, оттеснили; вагон на повороте так накренило, что рукой с закатами в ладонь деньгами пришлось ухватиться за верхний поручень. Спусти несколько минут Дороница вторично попытаться дотянуться, но его подхихнука еще вперед по проходу. Рядом у окна освободилось место; Дороница сел.

Мимо, почти захлестывая стеклом лившими деревья, проносилась узорным колыбком пыльнозеленые бульвары.

Неожиданная мысль, тоненькая, как прикоснувшаяся и быстро отдернутая иголка, ужалила Дороница. Он чуть покраснел и, смутившись, порывисто надвинула кепку ниже на лоб. Ему вдруг показалось, что пассажиры догадываются о его намерении. Шетнился подозрением, он

быстро и колочко обвел глазами соседней. Но от сидевшего напротив толстакла булочника, запачканного мукой и слегка поспавившего, веяло такой розовой слабостью и изномным миром, что Дороница успокоился.

«Я не виноват! Не доберешься в такой тесноте!» — оправдал он себя, хотя мысль о том, что можно по рукам пассажиров передать деньги кондуктору, смутно и неохотно как-то закопонилаась было в нем.

Было недалеко уже: до клуба Дороница оставалось всего два пролета. Все неприятнее, однако, становилось сидеть рядом с теми же соседями, да и платить теперь было уже совершенно невозможно: «все точна догадываются, что хотел прохрать зайцем!»

Все еще колебаясь, Дороница смущенно заерала на сиденья; вдруг решившись, он поднялся с места и энергично начал протискиваться к выходу. Неисловистость и тревога перед возможным появлением контролера торопили его, он грубо толкнул какого-то грузного человека.

Тот огрызнулся:

— Не толкайтесь!

— Я вас не трогаю, чего вы эсете! — злобно ответил Дороница. Он полубессознательно обрадовался столкновению, загнувшемуся тревогу, и отчасти поэтому ответ был более резок и вызывающ, чем того человек ожидал; отчасти же потому, что человек этот, как на глаз определил Дороница, был бездельником.

— Вежливей надо быть, молодой человек! Толкаетесь и еще грубитесь! — возмозвался тот, размахивая рукой с зажатым меж пальцев билетом.

— Вас по носу видать, что за птица! — отрезал Дороница, иронично посмотрев своему противнику в глаза; тот осекся, разом умолкнув и лишь метнув в лицо Дороница суматошными от подавленного гнева зрачками. Дороница счел себя правым, хотя ощутил, как значительная часть пассажиров неодобрительно отнеслась к его выпадку.

Вагон, туго сдерживая свой разбег и лишь тормосом, как рассеявшийся гусь, останавливаясь, не доезжая одного пролета до нужной остановки, Дороница вышел. Восемь неуплаченных копеек, все еще стиснутых в кулаке, он опустил в карман; они

... первым заметил ползущий в гору трамвай

звинули. Доронин было прислушался к мелкому их звуку, однако тотчас волнуящее еще переживание стычки с изпалом отпустило его внимание.

Иногда уже виделся клуб. Плакаты у входа конструктивно пестрели стрелками, кружками, разноцветностью, подчеркиваниями линиями. Доронина обрадовала геометрическая простота и ясность плакатов, тем более, что он и сам участвовал в работе над ними; стало асеей и спокойней на душе.

Доронина быстро подхватила молодая клубная суета. Он сыграл несколько партий в шашки, успел захватить две части американского зногшпательного фильма и, под конец, связавшим вторым ударом разбить пив-понговский мячик. Перед самым уходом приятеля, затаячи его в буфет, заставили его расшить с ними по паре бутылоч Грегориного.

Доронин, собственно, недолюбливал горькую интарность пива, он притрагивал к нему редко, да и то только после настоячивых товарищеских уговоров. От выпитых кружек у него слегка кружилась голова, так, как это бывает после карусели, когда слезаешь на кажущуюся несколько шаткой землю. В исходе первого уже часа ночи он отправился домой.

Обрывки мыслей, бессвязца желаний и настроений толпились в голове Доронина. «...Не туда б ему двинуть шапку... влевлю запрета была бы Сенькина дамка... э-эх, сплеховала!... Заладилы! — трюки! с авто да на полднюую лодку, с крыльях авроплана... надоемо!.. Вот Тянька — это да!.. на виске у нее тея, легкая такая, как... как прохлад... и...»

И странно: под всем наплывом разнородных мыслей нечто подспудное и далекое смутно тяготило Доронина. Порой ему казалось, что он хочет зямить какое-то воспоминание, но о чем именно, никак не выяснить; точно нечто, неясное самому, скребло исподтишка; нет, что-то... неладно, не так, не так!

Уже гасли фонари. Потемневший и сумрачный город засыпал, суетавато раскинув обезлюдешую сеть улиц и переулков. С Красной, гулко и токсиво плыва в ночной тишине, донесся единственный удар кремлевских часов.

Проходя слабо освещенным переулком, Доронина нечаянно споткнулся и едва не упал. Холодным лезвием скользящего падения. Удерживая равновесие, Доронин услышал, как в кармане слабо высквинули те самые деньги: пятак о трехкопеечник. Звук был почти неслышим и тоненным, будто серебряный. Что-то жалобное было в нем.

Нестерпимый стыд вдруг ожог Доронина. Легкий хмель от непривычных бутылоч мигом улетучился, он сразу совершенно протрезвел.

«Так, вор?!.. Как это могло... случиться?! Комсомолец и — у своей страны?! Вор?!»

Доронин припомял все — и как мысль о поступке впервые ужалила его, и как он живо оправдал себя и как, трусливо опасаясь контролера, он соскочил, не досажая одного пролета. И чем больше он припомял, тем сильнее охватывало

— До свидания! — негромко и легко сказала Дорониным кондукторше

тягостное и мучительное раскание. Он неожиданно вспомнил к тому же, как изныл, которого он грубо толкнул, размахивал перед ним рукой с зажатым меж пальцев билетом.

«Да, да, и здесь неверно вел себя! Не так с ними... на деле надол!.. Схуяганил ни к чему!» Тяжелый стыд все плотнее завладевал Дорониным.

К остановке на углу переулка подошел один из последних вагонов; он врезался

в опустевшую тьмоту ночи чеканными перестуками моторного вагона, повторяющимися-чуть-потоньше — прищемою. С собою привнес он что-то тугое и резкое — размахистую силу хода, настойчивую и жужжащую дробь звонка, блестящую полосу электрического света. Доронина как будто что-то подтолкнуло. Он весь астрихнулся, точно «сбрасывая с плеч овалдевшую унылую растерянность. Рванувшись с места и разогнавшись, он успел вскочить на прицеп уже отходящего трамвая.

Вагон шел почти порожним. Кондукторша, издерганная за день работы, уставло думая — последний рейс, а там — спать, спать, — подошла к нему.

Несмотря на свою решимость Доронин смутился: неожиданное затруднение возникло перед ним.

— Д-дайте мне... — он слегка запнулся, — два билета по... одной станции! «Ах... да, ведь она... она догадается!.. И все... и все тот, хмурый студент, тоже... тоже догадается!» Доронин захохотал, сердце у него снежинкой метнулось вниз и тотчас порывисто рванулось вверх. Он отвел глаза в сторону, малиновый румянец залил шею и все сразу апсотеешее лицо.

Кондукторша удивленно оглянулась. Нет, она не ошиблась, он вошел один. Для кого же второй билет?

— Вам куда ехать-то? До конечной остановки всего одна станция! — добавила она, предположив, что Доронин приезжий.

Доронин растерялся еще более; он беспомощно, как-то совсем по-детски поднял глаза на кондукторшу.

— Мне... покажитесь... ну, дайте мне... два билета!.. Вот... шестнадцать копеек!

Недоумоенно пожав плечами, кондукторша отчеркнула нотем билеты и сунула их ему.

Доронин вдохнул глубоко и облегченно. Он поменял еще мгновение, хоть трамвай и шел в сторону, противоложную его дому. И странно: тот самый сидевший в углу студент перестал казаться хмурым! Нет, совсем напротив, у него стало веселое лицо, точно он только-что получил стипендию!

— До свидания! — негромко и легко сказала Дорониным кондукторше. Он вскочил с места и на-ходу замедлившего бег трамвая, прыгнув на мостовую.

Доронин шел одиннадцатым номером — крепким своим размахистым, молодым шагом. Летняя ночь, дойдя до середины пути и еще колеблясь, уже клонилась к легчайшему предчувствию рассвета. С Кремлевских стен пролила над замершим в предугроженном истоме городом торжественно перекаты часовых ударов. И показавшись Доронину: теперь они быют утвердительно как-то и в такт, да, да в такт его шагам.

ЧИТАЙТЕ!

В выходящем к VIII всесоюзному съезду ВЛКСМ

№ 9 „СМЕНЫ“.

РАССКАЗЫ: М. Платошкина и М. Скворцова.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ: В. Д. Бонч-Бруевича — Комсомольцы у Ильича. Вечный и проклятый вопрос — письмо комсомольца Миронова. Ф. Малова — Настя Бодрова. И. Бархаша — Молодая смеялка (комсомольцы изобретатели). Н. Оружейникова — Товарищество и чуткость. Г. Бергмана — Люди в горах и др.

Не забудьте возобновить подписку на май месяц. Подписная цена с 1 мая до конца года 1 р. 30 к.

Поэма Ивана Доронина

I

По-разному поют и пишут.
Я с девушки начну... У вишен
Она, плеснув косяго, вдрут
Оставила своих подруг.

В садах накренились плоды,
Застыли маки в огороде.
Минуя ригу, на зады
Босая девушка выходит.

— Дуняша, Дунюшка, куда ты? —
Ей мнится, шелестят кусты.
— Зачем в такую пору ты? —
Ей чудится, лепечет мята.

За нею следом у поесья,
Как на ладье, на тучке месяц,
Сверкая золотым веслом,
Плывет над голубым селом.

Поля пусты. Одна Дуняша
Идет полями у межи.
Кругом дурманный дух ромашек,
Дурманный запах спелой ржи.

Мурлычит на реке волна,
Хорошей радуясь погоде.
Дуняша к берегу подходит,
Садится на берег она.

Нежна сирень и тишь меж ней,
Но локон Дунюшки нежней.
Курчавым дымчатым кольцом
Свисает локон над лицом.

Косынка снята. У плеча
Коса повисла повиликой.
Ну, кто бы, Дуню повстречав,
Ей про любовь не зачирикал.

Я пьян (простите отступленье)
Дуняшеною красотой.
— Ах, чорт! — воскликнет холостой.
Вздохнет женатый без сомнения.

У Дуни голос — ключ кипучий
(Сравнения пожелать ли лучше).
О ножки, ножки... но короче...
Про ножки петь не стоит к ночи.

Келейный лить не нам елей,
В наш век острот не любят тонких.
И девушки у нас в селе
Не водят пухленьких болонок.

Я б мог ценителю красот
Представить чудо диких граций
Под золотым дождем акаций.
Ученый муж раскрыл бы рот.

Балетный плющ высок и пышен,
Но хмель степной пышней и выше.
Нюхнуть на сцене хоть немного
Хотел бы я хмелька степного.

II

Глаза у Дуни — синь во ржи.
А груди — перепелки в поле.
Шальная молодость, держи
Собаку страсти на запоре.

Про Эрос пела Коллонтай,
Но ей сказали: „тетка, хватит!“...
Зачем же, очумев не кстатн,
В чаду влечения плутовать.

Хорош в бору брусники цвет,
Коль на бруснику льется свет:
Лишь в теплоте журчащих листьев
Брусничные рождаются кисти.

Поспело яблоко — так рви,
А если зелено — не трогай.
Иди на пир своей любви
Суровой будничной дорогой.

Спокоен гордый дровосек,
Когда дрожит деревьев сходжа.
Чем тверже и прямой походка,
Тем величавей человек.

Мы часто ищем наше счастье,
А счастья ищет в нас участья.
Где добродушно привечают,
Там добродушьем отвечают.

Не всякая умеет лошадь
С горы спускать тяжелый воз.
На темную траву оплошек
Готовьте жало жгучих кос.

Мне говорят: „она пригожа“,
Я отвечаю: „погляжу“...
Чужим я мнением дорожу,
Но собственное мне дороже.

Я недоверчив... Свой же глаз
Обманывает часто нас.
В тумане можжевелиник тощий
Не кажется ль порою роцей?

Курчав и бел черемы цвет,
На этот счет не разны мнения.
Дуняше восемнадцать лет —
Пора душистого цветения.

Глаза у Дуни — синь во ржи,
А груди — перепелки в поле.
Шальная молодость, держи
Собаку страсти на запоре.

ПИСЬМА САМОУБИЙЦ

И. ИПОЛИТ

В ОТЧЕТЕ Звенигородского укома ВЛКСМ в графе «выбывших по личному желанию» значится «1. самоубийца». Сначала это кажется смешно, но потом становится грустно. Если рассмотреть выход из комсомола (а заодно — и из жизни), как обычный, каждый день встречающийся случай, то мы немного поймем из того, что происходит вокруг нас, и покажем, что не годится в руководители юношеской организации.

Статистика показывает, что число самоубийств в СССР увеличивается из года в год. При этом большая часть из них приходится на молодежь. Из ста самоубийц — сорок один падает как раз на комсомольский возраст, от 16 до 24 лет. Это опасный признак, об этом надо крепко подумать и поискать способы, как с ним бороться.

Статистика показывает дальше, что половина самоубийств, совершенных в этом возрасте, происходит из-за... ни за что не догадаться...из-за любви. О том же говорит и большинство имеющихся у нас писем самоубийц. Вот пример:

Недавно в Красном Холме, бездельного уезда, бросилась в реку и утонула комсомолка Гусева.

Вот что написала в предсмертном письме тв. Гусева:

«Летя, хороших чувств ты ко мне никогда не имела. Ты видел во мне только женщину, а вопросы моего духовного мира тебя никогда не интересовали. В первом письме я тебя, как комсомолка, просила помочь мне быть товарищем, а ты воспользовался, а гал им для осуществления одной жизненной цели.

В последнем письме ты надругался над моим чувством и моей доверчивостью. Верить слухам ты не мог. Что ты себя безотчетно любил, ты мог видеть хорошо, этого ты испугался, и нашел нужным кончить. Ложные слухи меня и вводили в до тех пор, пока ты свои подлые отношения ко мне не прикрывал ими.

Ты отнял у меня жизнь, не дал, что не позволил мне, надругался над моим не животным чувством к тебе, не хотел понять моей души, верил тому, чему, в сущности, не имел основания верить. Прощай навсегда. Пяня Гусева».

Это письмо напоминает нам снова о тех вредных «уколах», которые часто встречаются в отношениях между людьми. Нередко замечать, что Пяня Гусева стала жертвой того упрощенного, физиологического понимания любви, какое нынче у многих в моде. Но так как общественное мнение, как в этом ни стыдно сознаваться, обычно в подобных случаях всецело на стороне мужчин, то дело кончается пошито и крыто. Девушка поплачет, над ней посмеется и про нее забудут, если

только она, как Пяня Гусева, не напомнит о себе таким решительным образом. Но Гусевых бывает около на тысячу, а девятьсот девяносто случаев даже не доходит до наших ушей.

Страдающей стороной здесь в большинстве случаев оказывается женщина, и поэтому среди самоубийц так много девушек. Мужчины, кончающие с собой из-за любви, попадают гораздо реже и по другим мотивам. Приведем небольшой отрывок из последнего письма комсомолки Ф. В., адресованного предмету его любви:

«Аня, ты же человек, ты была всегда такой доброй и отзывчивой, неужели у тебя нет ни крошки человеческой жалости ко мне, неужели между нами все кончено? Аня, что ты со мной сделала? Я ведь еще такой молодой, а для меня уже жизнь отравлена, меня уже ничто не интересует, ничто не радует, ночью или днем только и думаю о том, чтобы увидеть тебя.

...Но что же мне делать, когда для меня жизнь хороша только с тобой, Аня, если тебя не будет возле меня, то не стоит и жить».

Такие случаи являются выразительным ответом тем разудалым молодым, которые утверждают, что «никакой любви нет, а есть одна полая потребность». В том-то и беда, что чувство это есть, а внимания на него у нас упорно не обращают: в результате получают, с одной стороны, такие жертвы «темперамента», как Пяня Гусева, а с другой — чудики, для которых «не стоит жить», если возле них не будет возлюбленной.

Следующая группа самоубийц — тоже в большинстве из женщин — это жертвы насмешек и травли со стороны окружающих, как последствия неудачной любви. Вот московская комсомолка Л. Она сошла с комсомольцем Пучковым, обещавшим на ней жениться. Однако, добившись своего, Пучков решил не связывать себя женитвой и стал искать способ избавиться от Л. Он распускает по-

всюду самые гадкие слухи об Л., и скоро работнице не стало житья ни на фабрике, ни дома. Девушка долго не сдавалась, но, не видя нигде поддержки, не выдержала и покочнчила с собой, оставив следующие коротенькое письмо:

«В смерти моей никого не вините. Я жить так больше не могу. Моя последняя просьба — не осуждайте мой поступок некомсомольский. Еще просьба: скороните меня по-комсомольски, если это можно. Простите меня за то, что я опозорила ряды комсомола. Мой привет и совет товарищам: быть стойкими комсомольцами в строительстве социализма. Л».

Самоубийства бывали и раньше, и даже чаще, чем теперь. Очень интересно посмотреть и сравнить с этим письмом самоубийца 1908—1910 гг., т.-е. армена глущури реакции, после поражения первой революции:

«Мы люди без веры, без надежды, без желания жить», — писал тогдашний самоубийца.

«Я умираю, потому что не нашел смысла в жизни...»

«... потому что в жизни слишком много темного...»

«... потому что все безнадежно...»

Тут звучат уже совсем другие мотивы. Жизнь слагалась так, что оставался только один выход: кто сильнее ухлюд в борьбу с тем строем, который создавал темную и бессмысленную жизнь, а слабейшие выбирали «выход в смерть». Тут царил полная безнадежность, тупик.

Не то теперь! Читая письма погибших комсомольцев, удивляешься, как мало, в сущности, надо, чтобы спасти человека! Капля чуждоты, немного внимания к спотыкнувшемуся товарищу, — и сколько из них мы бы сохранили в нашей семье!

Года два назад одна московская партийная ячейка, обсудив после одного случая самоубийства этот вопрос, постановила запретить своим членам прибегать к самоубийству. Однако, к удивлению ячейки, эта резолюция не произвела желаемого действия. Значит, тут дело не в резолюциях, все и так знают, что самоубийство — позор и недостойно сознательного борца за коммунизм. Есть лучшие средства борьбы — правильное воспитание, например. Надо, чтобы партии и комсомолы имели твердое, стойкое мировоззрение, в котором они найдут силу переносить временные неудачи и поражения.

Наконец, еще одна задача вытекает из разбора наших писем: Люди гибнут подчас из-за совершенных пустяков, оттого, например, что к рождению нет нового платья. Между тем жизнь готовит новые новые трудности и новые испытания, вплоть до испытания огнем войны. К ним надо готовиться и готовить железные характеры, надо ковать людей, которые не потерпят головы перед больши несчастиями, чем великая сплетня, косые взгляды мещан или любовные оторчания.

НАШ БЫТ

фото Ф. Зубова

Меня на собрании

ВОЙНА ЯЗВАМ БЫТА

Очерк ИЛЬИ ЛИНА

НЕТ легче сваливать все наше безкультурье, грязь на объективные обстоятельства, нищету, «наследство царского режима», гражданскую войну и т. д.

Да и завсегда у нас уже так: отчитывается секретарь ячейки на собрании — обо всем рассказывает, сколько кто на заседаниях просидел, какое количество штанов протерто, сколько протоколов исписано — этак часика на два развезет.

Обругает кого следует за отрыв от политической, невнятной гадости. Есть о чем секретарю ячейки поругаться.

А вот насчет этой самой бытовой стороны жизни людей, тех 16 часов, которые молодой паренек, комсомолец проводит вне производства, учреждения — как он проводит, что он делает, не дают ли они на парня, как на комсомольца, не тешат ли они его назад или в сторону от комсомола, — об этом мало кто толкует. А если и толкует, то в плоскости того: ходит ли парень в клуб или нет?

О доме, об обеде, о рубашке, о семье говорит секретарь мало. Совсем не говорит.

В циркулярах об этом не сказано, — стало быть, зачем говорить? Хотя все знает, что «бытие» определяет сознание и что если парень неделю живет барником, а три недели стреляет гривенники на бутерброды в буфете, то плохой из него политграмотник и работник — в животе уж очень урит.

Одно дело 18-й год, когда у все урало и сделать что-либо было невозможно. Другое дело, когда в животе урит от неумения жить, от того, что коллегия не учит жить. Это хуже, плохо, позорно для всего коллектива.

Давайте заглянем в ячейку Госторга. Так ли здесь, как у всех? Папочки, протокола, — без этого, разумеется, тоже нельзя. Но папки — это форма. Каково содержание папки, о чем рассказывают испещренные листы?

Ячейка недавно провела бытовое обследование комсомольцев.

Ходили члены бюро по квартирам, заглядывали в общежития парней и девушек, беседовали со стариками-родителями и т. д.

Вообще-то обследование у нас в союзе дело не новое. Беда в том, что всегда эти обследования констатируют факты, отмечают недостатки, но не указывают, как лечить, как исправить, что делать парню, чтоб жить лучше, экономней, чище, с большим порядком и т. д.

Здесь счастливо избегли казенщины.

У комсомольца С. обнаружено, что по-

лучки хватает ему только на 9—10 дней. Подсчитано, сколько он платит за комнату, электричество, сколько у него уходит на заем индустриализации и т. д.

Подсчитали и как он распределяет свое свободное время.

Предложено ему: распределить в получку, сколько нужно на квартиру т. д., оставить обязательно часть денег исключительно на питание, чтоб не питаться всухомятку, а иметь горячие завтраки.

Тоже указано и тов. Е. Кроме распределения получки, ей предложено регулярно читать газеты и книги. Но кроме этого обнаружено, что у Е. есть сестренка, 12—13-летняя девочка, и вдруг вне пионер-отряда, хотя сама Е. работает на фабрике. Негоже так. И отметили, что алименты тов. Е. на сестренку недостаточные. Надо ее устроить в пионер-отряд.

Тов. Н. живет вместе с сестрой. Он работает счетоводом, она курьершей. Вместе они зарабатывают 144 руб. Посылают часть денег в деревню. Он обедает в столовой, она готовит себе дома. Н. — руковод политшколы в районе и занят 3 вечера в неделю. В свободное время бывает не в своем клубе, и товарищи у него не в этой ячейке.

Тов. М. предложено: 1) больше бывать в своем Госторговском клубе, а то чувствуется оторванность; 2) устраивать совместные четки газет с сестрой, так как она сама читать не может.

Вот общежитие девчат. Пять комсомолок и одна беспартийная. В комнате чисто. Каждое утро проветривается. Есть дежурная. Все подписались на заем индустриализации. Кто учится в контургоуче, кто на общеобразовательных курсах.

Решили к комсомолке Т. доорганизации кружка по ликвидации неграмотности прикрепить из более подготовленных комсомолок к ней заниматься. Кроме того, ей предложено вступить в один из кружков при клубе. Остальным девушкам предложено вступить в шеркасу и начать плановое расходование своего бюджета. Указано и насчет того, что у девушки нет спайки и что нужно посетить коллективный театр, кино и устроить четки. По воскресеньям, — говорится в акте обследования, — часть девушек уходит к родителям, часть остается в общежитии и питается всухомятку. Поэтому, — говорится в выводах, — нужно сложиться и готовить обед или ходить в столовую.

В общежитии в комнате четырех ребят — 4 кровати и ни одного стула, ни стола. Ребята все время проводят на кровати; спят на кровати, едят и читают на кровати.

Утром уходит все без завтрака и вечером тоже едят отдельно. Только двое складываются и покупают совместно ужин.

Ребятам предложено выделить определенную сумму на общий котел и на завтрак по утрам, приобрести хотя бы стол и стулья.

Можно бы привести ряд примеров, подобных указанным.

Такое обследование имеет под собой почву — деловые предложения.

Есть ли конкретные результаты обследования? — спросит читатель.

Возьмем, хотя бы, такой пример:

Комсомолец Серов был сторожем. Както он оторвался от союза, билет потерял, а тут еще и сократили его.

Стая шататься Серов без дела и без работы. Он принял какой-то торговцев, дав ему угол и хлеб. Пусть-и рабочий парня к торгашу — дело плохое. Ребята взялись за это дело, вытаскивая парня. Устроили на работу, комнату нашли, — и ожив человек.

Это говорит о том, как можно всякое дело сделать живым, кровью интересующим всех ребят, сплотить вокруг него всю ячейку.

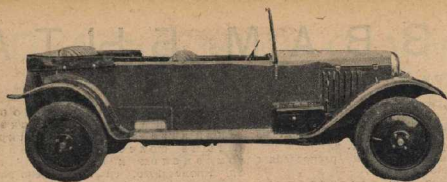
Буни, романтика будней — вещь сложная.

Они требуют умения и гибкости. Очень же часто у людей вместо головы только сплошь циркуляры.

Это уже не вина их, а беда.

Иногда бывает и так

Первые ласточки нашей автомобильной техники — легковой автомобиль типа „НАМИ“

Счастливого перенес

Я СТОЮ на перекрестке улиц, бьющихся в нервных судорогах движения. По асфальтовому тротуару лавиной падают люди, едут извозчики, в скрежете редес со звоном проносятся трамваи. В железобетонном шуме улицы непрерывно гудят автомобили. Над всей этой сложной жизнью в точке пересечений улиц вертушкой сигналов дирижирует милиционер. Вот вместе с поворотом его стрелки на двойных задних колесах свернул к магазину в переулок нагруженный кипами мануфактуры грузовой, пронесся акуратный такси, и, покачиваясь, бесшумно поехал к остановке на углу красно-желтой автобусе.

У панели остановился мотоцикл, сошел человек, перейдя панель, он щелкнул замком у почтового ящика и, бросив в коляску, мешок с письмами, помчался дальше.

Из переулка с нетерпеливым звонком вылетела «Скорая помощь». Под звуки тревожных сигнальных рожков стремительно пронеслась на автомобилях пожарная команда.

На площади по всем направлениям, обгоняя пешеходов и трамваи, катились с пассажирами легковые автомобили.

Если в наших больших городах автомобиль лишь счастливый перенес уличного движения, то в европейско-американских центрах почти исчезли с мостовья реальские пути, они загнаны под землю или же на воздух, извозчик же во многих из них — музейная редкость. Заграничная улица во время движения — это сплошная муравьиная цепь бегущих автомобилей. Пешеходы не могут про-

ваться через этот поток, кроме установленных мест, где регулируется автомобильное движение. В Америке движение регулируется электрическими автоматами, а полисмен стоит сбоку на углу и является помощником электрического автомата.

Во избежание загромождения улиц в центре разрешается автомобилям только двигаться, но остановки воспрещены. Несмотря на множество общественных гаражей все-таки по ночам нехватает мест для стоянки, и вдоль панелей, свастся красными огоньками, стоят вереницы автомашин.

Я не знаю, сколько лошадей в Америке, но автомобилей там 23½ млн., т.е. почти на каждые пять человек населения по автомобилю. Американцы считают для себя идеалом иметь автомобиль на четыре человека, или же 30 млн. для всей страны, хотя и теперь уже все население Америки по сигналу может в одну прекрасную минуту сесть на автомобиль и двигаться в любом направлении.

Нороль «дорожной вши» (Генри Форд)

Американский буржуа дешевой производственный автомобиль зовут «дорожной вшью». Богатые считают позором пользоваться этим «фордом» и предпочитают другие более дорогие фирмы. Существует даже такая поговорка: «Скажи мне, на какой ты машине едешь, и скажу кто ты такой».

Но большинство американского населения — фермеры, рабочие и служащие — ездят на «форде». Весь секрет в том, что этот автомобиль, при хорошем качестве, очень дешев. В Америке он стоит от 700 до 800 рублей. Продажа производится в кредит, так что уплатив 70—80 рублей, покупатель получает машину, выплачивая остальную сумму в течение долгого срока.

Дешевая цена автомобиля зависит от постановки производства. На всех заводах Форда в каждую минуту рождается 8 готовых автомобилей, за день, в две смены — 800 шт., а в год — 2½ млн. шт. Массовое производство фордовских автомобилей не сосредоточено где-нибудь в одном месте, а раскинуто не только по Америке, но и по

ПЕРВЫЙ В СССР АВТОМОБИЛЬНЫЙ ПЕРВУЮ ТЫСЯЧУ АВТОМОБИЛЕЙ ПИОНЕРАМ СОВЕТСКОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Европе. Каждый завод считается с наличием сырья, специализируется на выработке той или иной части для автомобиля, а потом эти отдельные части собираются в особых сборочных заводах-мастерских.

Процесс работы при сборке автомобилей таков: с одного конца завода пускается на специальных конвейерах начальный осто́в автомобиля, а в другом

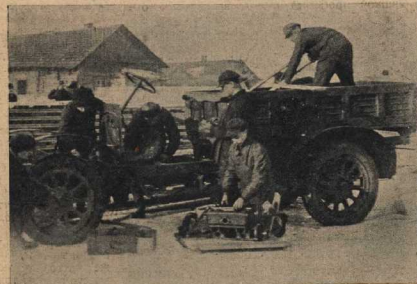
Конвейер по сборке автомобилей

конец он уже выходит готовым. Рабочие, расположенные вдоль движущейся ленты конвейера, быстро исполняют свою работу. Один закручивает гайку, второй надевает колесо, и так до конца.

По такому принципу движения находящиеся в работе вещи построены все фордовское производство. При этом достигается необычайная скорость работы.

Рассказывают, что американский президент Рузвельт при посещении фордовского завода, войдя в один из цехов, положил свою руку на необработанный блок двигателя, а при выходе с завода его ошмякал уже новенький, с его надписью, автомобиль.

Но то, что было вчера, не должно повторяться сегодня, а то, что будет завтра, должно быть новым — такова приблизительно основная мысль Форда в вопросе постановки производства, поэтому все процессы непрерывно совершенствуются и изучаются в специальных лабораториях, и на основании этих наблюдений производство движется вперед. От хорошего и

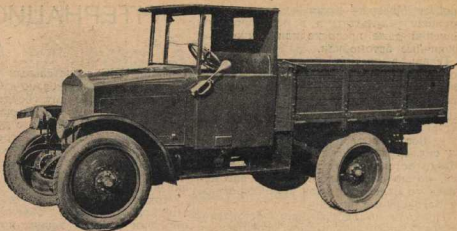
Ягичина Авторова в провинции. Рабочие одного из предприятий Белоруссии «ломбинируют» автомобиль

ТЫСЯЧА

СЕВЕРЯКА

ЗАВОД „АМО“ ВЫПУСТИЛ НЕДАВНО СВОЕЙ КОНСТРУКЦИИ. НАШ ПРИВЕТ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!

Полупортаторный грузовик завода „АМО“

лучшему, от лучшего к самому лучшему— этот Фордовский символ веры должны усвоить и наши новые автомобильные заводы.

Первые ласточки

У Крестынской заставы с автобуса перескакивая на № 16 трамвая. Кончатся город, пробежали поля, за полями про-

линов, но ни один автомобиль не был выпущен, и завод остался недооборудованным. Часть оборудования, шедшая из Америки, погибла в океане, а часть застряла во Владивостоке.

В 1920 году завод был пущен в ход, хотя сначала занимался только ремонтом и только в 1924 г. приступил к выпуску новых автомобилей.

В 1925 году, выработав свою стандартную марку 1¼-тонного грузовика «АМО», завод наряду с иностранными машинами пустил их для пробы на всесоюзный пробег.

Экземпляр был выдержан блестяще, и в те дни, когда и был на заводе, через неделю ждали рождения тысячного автомобиля.

Производственная жизнь завода сложная, здесь происходит весь процесс производства автомобиля из нашего сырья, за исключением иностранного электротехнического оборудования, ободов и шарикоподшипников. Сообразно с этим, много цехов: кузнечный, штамповальный, литейный, механический и несколько подсобных. Везде своя работа и своя жизнь. В кузнечном цехе дым, копоть и грохот железа, заглушающий человеческие голоса. Фурчат печи, сверка пламенем. К печи подошел рабочий, порывшись каядами, он достал из ее зева брызгающую светом кругляшку. С кругляшкой — к пневматическому молоту; под ударами молота, приводимого в движение легким нажимом руки, кругляшка, как воск, изменяется в форме, удаляется, и через несколько минут рабочий отбрасывает в сторону готовую автомобильную подножку. Скоро и быстро, но рабочий за каждой новой кругляшкой пробегает к печи около 40 шагов. Наверно, Форд назвал бы это варварством. Как-то странно после работы пневматического молота видеть в другом конце ручных молотобойцев, у которых во время работы лог на лице смешивается с копотью. По цеху от раскрытых для вентиляции окон дует ветер. В дыму люди кажутся темными.

За кузнечным цехом — литейный. Там тоже, наряду с новейшими достижениями, несколько рабочих

сеют решетом вручную песок. Наконец, в механическом. Делается веселее и радостнее. В правильных длинных рядах вытупились станки новейших систем: револьверные, фрезерные, сверлильные и другие. В станках-автоматах из кусков стали в секунды рождаются части будущих автомобилей.

В сборочном около остовов копошатся люди, привинчивают, прикладывают, а в конце цеха уже стоят готовые грузовые и санитарные автомобили.

Прошлись, мой руководитель, парнем из стеллажисты, говорил о предстоящем расширении продукции завода до 1.500 штук.

Кроме завода «АМО», у нас в СССР автомобильные строятся в Ярославле и на фабрике «Спартак».

Ярославский завод вырабатывает 3¼-тонные для автобусов, а «Спартак» легковые типа «НАМИ». Эти первые ласточки нашей автомобильной промышленности пока исчисляются в сотнях штук, но в ближайшем году уже исчисление переходит на тысячи.

— Условия наших дорог требуют особой конструкции машины...

Так начал беседу профессор в научно-моторном институте. Там, в лаборатории, сотрудники автомобильного отдела проверены десятки иностранных автомобилей разных марок и систем. На основании этих испытаний производится выбор из-за границы. Но главное достижение института — это постройка модели первого советского легкового автомобиля, которому была дана марка «НАМИ 1». Первые три автомобиля этой марки в

...на одном из иностранных заводов

мелькнул нарядный рабочий городок Ленинградской Слободки, а дальше дымятся трубы заводов «Динамо», «Парострой» и других, имени которых не знаю. Позади всех, у лесной рощи — «АМО». У каждого человека, у каждой вещи, а тем более у завода есть своя история. В дни мировой войны во всех странах в связи с требованиями фронта начался колоссальный рост автомобильной промышленности.

В довоенной России только Русско-балтийский завод в Риге занимался сборкой автомобилей из готовых, привезенных из-за границы частей. Так же, как и на Западе, у нас во время войны при помощи колоссальных государственных субсидий возникло несколько автомобильных заводов в Ярославле, Мытищах, Рыбинске, Нахичевани и в Москве. Во главе Московского автомобильного об-ва стоял известный миллионер Рабушинский и инженер Кузнецов. Сорвали «гостипендию» первоначально около 3-х миллионов, да потом еще несколько десятков, всего на завод было затрачено около 100 мил-

Автобус советской конструкции, выпущенный Ярославским автозаводом

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Очерк В. ЗЫБИНА

пробеге Москва — Крым показали очень хорошие результаты и в некотором отношении даже превосходили лучшие заграничные автомобили.

Теперь в институте заняты простом поеного 4-местного и штатного 6-местного автомобиля. Через шесть месяцев модели будут готовы.

Все это сделано и делается при лаборатории, по которой профессор говорил: «Все доморощенное, сделано своими силами и невысоко по качеству. Не только нет новейших заграничных моделей, но до сих пор сотрудники автомобильного отдела не были командированы на заграничные заводы.

Проходя по лаборатории, останавливаемся у станка для испытания качества шин.

— Свои или чужие? — спрашиваю я.

— Резинотреста, и надо сказать, за последний год стали очень хорошие.

И, помолчав несколько секунд, он добавляет:

— Выдерживают пробег до 25.000 километров.

«Мечта моя или тов. автодор?»

В одном детском американизации СССР, на Пушечной, 7, в Автодоре (Об-во содействия автомобилizmu и дорожному строительству) из разных уголков Союза каждый день получают письма.

Вот отрывки из них:

«Что представляют лошади: тощие, разбитые, ноги дурной, хромые, слепые; посмотришь, плакать хочешь... Можно сказать, что лошади в деревне — консервативный элемент».

Так пишет один из Винницки.

«Сколько смертностей от несомоверной подачи медицинкой помощи, пока врач или фельдшер подадут лошадей, приезжая, он застаёт больного мертвым, и то же бывает, когда возут на своей колясочке больного за 20—30 верст к «дотуру».

Пишет уральский врач-общественник, а крестьянин Белоруссии уже ставит вопрос практически:

«Уважаемый тов. Автодор, — так он обращается в о б н с т в о. — Я прошу в скором времени выслать и сообщить много об этом Автодоре, как его организовать и где купить автомобиль для кооператива и сельсовета и для артели, то есть несколько человек вместе.»

За два-три месяца жизни Автодора проведено несколько десятков собраний, организовано в одной Москве около двух сотен ячеек, выпускается специальный журнал «За Рулем», предприятия шаги к ввозу из-за границы дешевых автомобилей и правильное использование в ячейках Автодора старых автомобилей.

В последние минуты мне попадаете только пришедшее из Автодор письмо из далекого Мурмана, от демобилизованного красноармейца.

Он пишет:

«...Получаю 42 рубля... Сберегаю от 15 до 20 руб., сообщите, где можно дешево купить мотор!».

Изучаю алгебру, геометрию и механику, но плохо поддается, и учебники трудно достать...»

И кончает так:

«... неужели мечта моя и главная цель жизни — приобрести мотор — не исполнится?»

С лорным десятком тысяч таких, как авторы вышеприведенных писем, можно быть уверенными, что мы построим автомобили и проведем для них шоссе. На нашей «Форде» мы быстрее приблизимся к новой жизни.

ВНИМАНИЕ сознательных пролетариев всех стран приковано к СССР — первому в мире рабочему государству, строящему социализм. Ознакомление трудящихся Запада и Востока с достижениями и успехами СССР имеет огромное значение. Это ознакомление проводится прежде всего через посылку заграничными рабочими делегаций в СССР.

Также не малую роль в этой работе играет обмен письмами рабочих наших и заграничных предприятий. Комсомольские ячейки за 10 лет существования Советской страны сумели завязать большую письменную связь со своими товарищами по ту сторону советской границы.

***

В Москве на заводах «Радио», «Красная Пресня» на фабрике имени Ногина, в типографии «Красный Пролетарий» комсомольские ячейки являются образцовыми по интернациональной связи.

Это образцовые в московской организации. А сколько ячеек, поддерживающих, хотя бы и не систематически, путем переписки тесную связь со своими товарищами в Америке, Англии, Германии, Китае, разбросано по Советскому Союзу! Как же работают эти «образцовые» ячейки?

Вот, например, типография «Красный Пролетарий». Комсомольцы с 1925 года связались с заграничными товарищами, послали первое письмо в Мангейм.

Послали, и все неверлюсь:

— А зачем мы, собственно говоря, письмо пишем? Кто нам отвечать станет?

Не верили, а в контору все же по три раза в день бежали, спрашивали:

— А нет ли письма из Германии?

— Нет!

— Значит, завтра будет?!

— А кто его знает!

Два месяца ждали.

Однажды, уже неожиданно, наконец, письмо пришло.

— На-те, ребятки, получайте, из Германии.

Обрадовались. Распечатали. Но письмо оказалось написанным на немецком языке.

***

Интернациональная комиссия типографии «Красный Пролетарий» за составлением письма заграничным товарищам

***

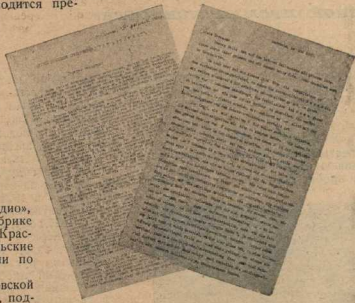
Наши переводчики. Писал ячейке один парень из Мангейма с завода Бену, про свое житье-бытье.

Что ни говори — тяжело в «свободной» Германии живется. Молодежь работает 10—11 часов, считая сверхурочные. Зарабатывают на кусок хлеба, — не больше.

Предприниматели заботятся только о том,

как бы побольше сока из молодежи выжать, квалифицируется же молодежь или нет — им глубоко наплевать.

Вот с этих пор и пошло. Сначала ячейка переписывалась с одним только комсо-

Письмо мангеймских товарищей и ответ комсомольцев «Красного Пролетарий»

мольцем. Потом связались и с комсомольской ячейкой завода Бену, а теперь устанавливает связь и с берлинским комсомольцами.

В Брюкне и Бежиче комсомольцы больше переписываются индивидуально, или, как их называют, — «кустарно-одиночки». Это слышь эсперантисты, поддерживают связь с Лондоном, Нью-Йорком, Берлином, Веной.

Но было бы ошибочно думать, что переписка имеет только информационное значение. На писем своих зарубежных товарищей наши комсомольцы черпают немало и полезного для себя, они учатся проверять свою работу, сравнивая ее с заграничной.

Так, например, клинцовские комсомольцы с фабрики имени Ленина, написали письмо в Нью-Йорк, молодому рабочему — текстильщику. Не забыли ребята и похваляться.

— Мы, дескать, переходим теперь на работу на два станка, а раньше работали на одном.

Каков же был конфуз ребят, когда из Америки они получили такой приблизительно ответ:

«Наши рабочие работают на 40 станках, а ведь, мы работаем на капиталистов, да наши станки, вероятно, и быстротходнее ваших. Вы работаете на себя, на свое государство, и двух станков мало».

Ребята с «Красного Пролетарий» (Гежиджа) пошли еще дальше. Они послали в Германию для проверки свои нормы выработки:

— А ну-ка, товарищи, проверьте, не малы ли у нас нормы, не следует ли их увеличивать...»

Так, через головы буржуазных правительств и их жандармов, прочно являющиеся узлы братской связи советских пролетариев с пролетариями Запада и Востока.

Интернациональная комиссия типографии «Красный Пролетарий» за составлением письма заграничным товарищам

ПОД ГНЕТОМ ФАШИЗМА

(НАН РАБОТАЮТ ИТАЛЬЯНСКИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ)

В. Л. РУБИН

Очевидная опасность войны с СССР, десятилетия существования советской власти в СССР, делегация взрослых и молодых рабочих в СССР, — все это усилило симпатии трудящейся молодежи Италии к Советскому Союзу.

В противовес этому поведению рабочей молодежи фашистские круги Италии стараются все больше усилить и укрепить свое влияние на молодое поколение. Фашистская палата постановила отпустить один миллион лир специально для юношеских учреждений клубного и спортивного характера. Совершенно ясно, что эти мероприятия фашистских вождей объясняются не чем иным, как стремлением объединить в своих рядах широчайшие массы молодежи, обеспечить кадры новых фашистов. Хотя секретарь фашистской партии Турати в своих новогодних заявлениях отметил, что «молодежь лучше всех усвоила дух фашистской революции», тем не менее есть серьезные основания предполагать, что приспешники Бенито Муссолини сильно обеспокоены отсутствием притока свежих сил, и в качестве одного из способов для привлечения этих сил они используют спорт.

В тесной связи с фашизацией спорта стоит фашизация школы. Показателем в этом отношении является тот факт, что фашистское правительство уже приступило к осуществлению особых мероприятий, которые непосредственно ведут к прямой военизации и фашизации физического воспитания в школе. Эти мероприятия сводятся к следующему: физическое воспитание будет обязательным для всех учащихся низших школ (где учатся преимущественно пролетарские дети). Каждая школа должна будет иметь специальную площадку, при чем будут использоваться также военные лагеря. Эта программа физического воспитания носит довольно характерное название — «Национально-фашистская гимнастическо-спортивная программа». Она показывает, что основная цель обучения — не оздоровить физически детей, а подготовить из них борцов за фашизм.

Все это обучение будет находиться под руководством фашистской организации «Опера Баллава», представляющей организацию поезда 500 авангардистов на пароходе в колонии, то есть организуется своего рода репетиция к настоящему захватническому экспедициям. Для руководителей и инструкторов будут созданы специальные курсы, при чем в Олимпийский Комитет будет введен представитель фашистской милиции.

Но наступление фашистов развивается не только по линии физического и школьного воспитания. Стремясь поставить под свое влияние массы детей и молодежи, фашисты принимают и другие меры. Если меры по отношению к детям буржуазных слоев населения идут по линии подкупа

и льгот (так, например, в связи с праздником крещения, 6-го января «Опера Баллава» раздавала подарки буржуазным сынкам), то меры, применяемые к итальянскому комсомолу, идут по линии арестов и всевозможных репрессий.

В последнее время список узников и жертв фашистской реакции пополнил

шим времена средневековой инквизиции. Так, например, в одном из городов было арестовано несколько молодых товарищей по обвинению в ведении комсомольской и партийной работы. Их обливали кипятком, кололи книжками и иглами в чувствительные места тела, избивали и т. д.

В Монфальконе один молодой рабочий был арестован и жестоко избит полицией. В тюрьме его допрашивал офицер фашистской милиции. При допросе он бил его и вырвал у него волосы. И все это за то, что во время одной демонстрации он повесил на патристическое знамя красный плакат.

Но, несмотря на все эти преследования, комсомол продолжает работу. Регулярно выходит нелегальный орган КСМИ «Авангардия». И о том, что эта газета крепко спаяна с массами трудящихся молодежи, свидетельствуют многочисленные письма и заметки, помещаемые в отделе «С фабрик, полей и заводов». Тут и сообщения о забастовке молодых текстильщиков в Биелла, и заметка об эксплуатации подростков, о борьбе с фашистскими профсоюзами в Риме, и о многом другом.

Учитывая всю важность работы среди крестьянской молодежи, которая по многим случаям представляет резервуар, откуда фашистские объединения могут черпать свои силы, КСМ Италии начал издавать в Ломбардии специальную газету для крестьянской молодежи — «Молодой Крестьянин».

В Италии одной из лучших форм для массовой революционной пропаганды и борьбы являются так называемые Юношеские Комитеты Пролетарского Единства, в которые входит представители революционных профсоюзов, КСМ Италии, коммунисты, молодые максималисты и беспартийные.

Вот несколько заметок из итальянских газет.

1. «Недавно в части области Эмилио группа в 100 молодых рабочих, в большинстве беспартийных, приехала к местному Юношескому Комитету Пролетарского Единства. Часть членов уже вступили в революционные профсоюзные организации».

2. В Генуе «по инициативе Юношеского Комитета Пролетарского Единства состоялась конференция рабочей молодежи. Делегаты представляли 26 предприятий. Присутствующие с восторгом поддержали предложение о подлинке в фонд помощи коммунистам».

В последнее время комсомол Италии начал пропаганду против проводимого фашистами под лозунгом «Дадим крылья нашей родине» — сбора средств на постройку новых самолетов, указывая, что этот сбор означает усиление военной мощи Италии, и так ведущей воинственную политику.

Нелегальная газета КСМ Италии — «Авангардия»

ся новыми именами. Активный работник КСМ Италии товарищ Джованни Форнари приговорен к 8 годам заключения. В Турине было арестовано 15 комсомольцев, у которых были найдены старые легальные издания. Они приговорены чрезвычайным судом к разным срокам тюрьмы. Во Флоренции был арестован один молодой летчик, который якобы печатал номер подпольной газеты.

Для того, чтобы получить от обвиняемых нужные показания, итальянские палачи прибегают к пыткам, напоминаю-

Муссолини принимает парад молодых фашистов

ЛЮДИ В ГОРАХ

(ПЕШКОМ ПО НАВНАЗУ)

Очерк Г. БЕРГМАНА

I. ЭЛЬБРУС

НА ПОРОГЕ «туристского» лета (у туристов лето особое) и хочу поделиться с читателями «Смены» впечатлениями прошлого года. Ранней весной—едва подсохла земля—мы стали выезжать за-город. Каждое воскресенье дарило нам новость:

проносились крича журавли, улетая от надвигающейся жары; медленно распускались дубы; потом как-то вдруг оказалось, что уже колосится рожь... И мы поехали на Кавказ.

Москва тяжело дышала нам вслед, и в открытое окно еде долго вваливались густые запахи предместий, запахи дыма, дегтя, уважоненных огородов и заболоченных прудов. Потом столица спряталась за синюю дымку, горизонты разбежались во все стороны, как шаловянки детвора, по бокам легли кошевные поля, дальше лес, и вместо десятков спутанных путей перед нами стрелой выткнулись две пары блестящих релье.

Наша ближайшая цель—Эльбрус. В Кисловодске провели скучную ночь—негде было спать, а на завтра мы уже были в селении Хасаут. По дороге однажды увидели Эльбрус, он стоял за зелеными холмами, весь белый и самый милый из всех милых гор. Вечером в ущелье прилозали тучи, над скалой Бермамыт скакали молнии, и громы довольно миролюбиво переговаривались из ущелья в ущелье.

Утром мы купили осла (потом, между прочим, его продали километров за 300 отсюда). Нам уверили, что это самый чистый осел из всех ослов Хасаута. И в самом деле—осел оказался ирва мирного и трудолюбивого, а еси и бывал иногда упрям, так только с перепугу.

После торго, навьючив килограммов 60 на наше четверное «движимое имущество», мы прошли немного вверх по речке, к западу, потом перешли ее, свернули на юг, полезли вверх и вскоре вышли на плоскогорье. Кружились тучи, туманы беспорядочно лезли прямо в глаза. Скоро ударила ливень. Но атака не удалась—мы заметили два камня,—какое-то землетрясение забыло, видно, сбросить их со склона холма, они нависли над обрывом, и вот мы уже добежали до этой пещерки и важно глядя на грозу, будто из театральной ложи, поменялись над овцами: сгрудившись в белые и черные кучки, они блеют и мочнут на окрестных холмах.

Потом сделали небольшой привал. Марецкий заснул, отгореваясь под выгнувшимся солнцем. Умытые зеленые холмы нежидки, курились испариной, наш ослик закусывал мокрыми травинками. Вдруг он чего-то испугался и, провав фронт, помчался назад. Бар-

В августе 1927 года группа московских туристов совершила интересное путешествие по Кавказу, пройдя около 450 километров пешком. В путешествии принимали участие следующие товарищи: В. А. Семеновский (работник Наркоминдела), О. А. Наумова (союз Раброс) и три сотрудника «Комсомольской Правды» и «Смены»—А. А. Бархам, Г. Б. Берман и Г. П. Марецкий.

Мы помещаем очерк первой части путешествия, завершившейся восхождением на Эльбрус.

теля. Но в самый решительный момент осел прибавляя ходу—и турнир начался опять. Наконец, повели правильно осуду. Окружили осла козлом. Он почувал опасность, застыл, а мы застыли, как статуи, в ужасе и молбье. И вот мы выдвинули нового

бойца. Это был Семеновский, по роду своей службы обязаный обладать навыками дипломата. Бочком, как бы невзначай, поддвинулся он к врагу. Добравшись таким манером до передовых позиций, Семеновский нагнулся и сорвал цветок. То было любимое лакомство всех ослов. А на лакомых вещах всегда всегда обжигаются. Наш осел неосторожно загляделся на предательский цветок, и в тот же миг чужком вскочил на ноги и тигровым прыжком прыгнул вперед. Скоро осел покорило шед, навьюченный пригнатою ему долей багдана.

Под вечер мы спустились к реке Мухте и, раскинув палатку, посадули шум быстротекущей воды и заснули.

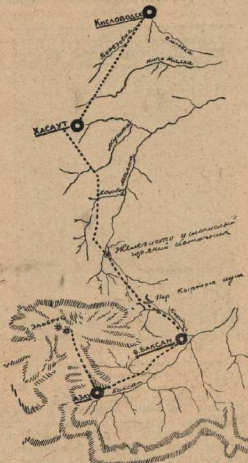
Утром, вместо того, чтобы пересечь Мухту, мы почему-то пошли вниз по ее течению, много раз переходили ее вброд и, наконец, уперлись в скалу, увидели, что дороги дальше нет, и полезли направо, вверх. В тумане потеряли друг друга.

К вечеру спустился куда-то, встретили пастухов и ночевали у них. На минуту тучи разошлись и милостиво позволили нам взглянуть на Эльбрус—он оказался совсем близко, но о величии его в предвечерий час не скажешь никакими словами. Пастухи угощали нас супом и бараниной, ходили по очереди на верхушку холма, к стадам, где бесшумно дежурили огромные лохматые псы. Пастухи рассказывали о Красной армии, о князьях, которые были да слыли, о старых расприх между соседними народами и спрашивали нас о войне и о том, как люди живут в Москве.

Мы вышли затем к реке Харбаз. Она вздулась от дождей, грохотала камнями, и перейти ее было бы мудро, если бы не подошли два всадника. Мы по очереди переехали реку, а ослика перевали между двумя лошалями. Тут опять пошли вверх и спустились затем к реке Малук, у горячего источника.

Здесь сооружен простенький каменный бассейн и есть даже удобная гостиница: довольно просторная пещера. В ней мы и переночевали. Сюда из селений ездят лечиться, в земле вырыты ямы,—люди залезают в них, чтобы, кажется, принять нечто в роде грязевых ванн. Недалеко от источника гремит два крупных водопада. И совсем рядом—в 5—6 километрах—стоит гора Эльбрус.

Дальше перевалили через невысокий хребет, спустились к реке Ис-

хаш побежал в обход. Через полчаса осел вернулся, но в руки не дается. Сначала Бархам пытался перехитрить противника один-на-один: осел ходит и жует, и человек за ним, делает вид, что цыры собирает, а сам готовится схватить непри-

Вид на вершины Эльбруса с его южного склона

Переход через трещину по снежному мосту

лам-чат и в тот же день поднялись на высотку (3200 метров), но беснежный и совсем легкий перемаз Кыртак-Ауш. Прямо впереди громадится главный хребет, а сбоку Эльбрус. Спустившись к реке Кырлык, мы вниз по ее течению пришли в аул Верхний Баксан (на старых картах — Урусбиево), пройдя километров 150.

Отсюда прошли 30 километров вверх по реке Баксану, тут много зеленей, хуторов, шли мы не спеша, ели малину и смотрели на белые вершины Донгуз-Оруча, господствующие над этой долиной. Стенного, мы пришли в поселок Азау, у подножья Эльбруса. Этот «поселок» — один дом. Часть нашей группы заночевала в палатке, другая на крыльце. Налетел ветер, лес шумел, и, засыпая, каждый думал о завтрашнем дне, когда он пойдет уже не мимо Эльбруса, а прямо к вершинам его.

На утро было пасмурно, много раз принимался идти дождь, и мы подождали со стоянкой, так что, поднявшись на «Кругозор» (так называют трапециевидный выступ на южном склоне Эльбруса, на высоте около 3.000 метров), вынуждены были заночевать здесь. На «Кругозоре» в это время жили в палатках участники научной экспедиции, изучавшей силу солнечной радиации (тепло солнечных лучей). В числе участников экспедиции был Я. И. Фролов, старый опытный альпинист, побывавший на обоих вершинах Эльбруса.

На следующий день выпал снег, мы колебались — идти вверх или переждать, но к полудню, оставив осла пастись на «Кругозоре», взяли палатку, бурки, примус, провиант и выступили в путь.

Скоро мы вышли на ледник Малый Азау. Трещина сначала попадалась немного, потом все больше, и порой приходилось делать зигзаги, возвращаться назад, пока не находишь снежного моста.

Тут начался мятель.

Снега, с запада, бил холодный ветер. Ручьи в нашем гряднике быстро ползли вниз, пока не дождались до 5 градусов мороза (дело было 19 августа). Затормозились: до удобной ноженки еще несколько часов, а в шесть уже темнеет. Семеновский идет впереди, ледорубом прощупывая, нет ли скрытых, занесенных снегом трещин и прочны ли снежные мосты. Однажды ледоруб выскользнул из

рук и, завякнув жалобно о ледяные стенки, исчез где-то в страшной глубине. Другой раз, когда зачем-то остановились, оказалось вдруг, что мы все яперто стоим на снежном мостике над разнутою трещиной...

Становится холодной, крепчал ветер, много крутила снег. Смеркалось. Положение было довольно серьезное. Но вот среди выжойной муть выступили скалы. Мы пересекли ледник, вышли на снег и быстрым шагом достигли скал. Это — «Приют Одинадцати», на высоте 4.100 метров. Под свежим снегом валялись жестянки из-под консервов, куски недоеденного сыра. Я нашел две шахматные фигуры: здесь побывали грузинские туристы, лазившие на Эльбрус. Заваню было найти следы человека на этой высоте, где несильно скалы были только мелкими пятнышками на необычном снежном склоне Эльбруса.

Под ударами ветра кое-как поставили палатку. В ней было тепло, но очень тесно. И всю ночь ревел пурга, и кожный снег шуршал и парашаало о дрожащее подотно нашего дома.

Утром температура поднялась до нуля, но мятель продолжалась, как прежде.

Неожиданно к вечеру туча разорвалась. За нами то здесь, то там выступали из муть утесы. А впереди, наверху, показались два купола. Обрамленные вечерним звезд, спокойным светом мерцали вершины Эльбруса.

Была ясная, холодная ночь. Мы шли к вершинам. Сильный ветер бил нас в лицо, по ногам. На востоке просветлело. Тогда, оглянувшись назад, мы увидели весь Кавказ перед собой — хребты, утесы, ледниковые вершины. Становилось светлей, они росли и приближались к нам. И далеко на востоке, за 200 километров, был виден Кавказ.

Было 7 градусов мороза, при сильном ветре. Дно — Наумова и я — стали легкой добычей холода. В московской берете мы не успели купить шерстяные носки, а ноги у нас однажды уже были обморожены — при переходе зимой через Главный хребет. Теперь приходилось расплачиваться.

Уже было свело, когда дошли до «Приюта Пастухова», т.е. грядки небольших камней на высоте 4.700 метров

Ищущий впереди прощупывает ледорубом прочность снежного наста

Наша палатка на «Приюте Одинадцати». Когда же раздуется туча?

(почти на высоте вершины Монблана — высочайшей из гор в швейцарских Альпах). Выходило солнце. Вершины сделались розовыми, золотыми, в глубоких ущельях задегали синеватые тени. Кое-где лежали кучами курчавые, сонные облака.

... Наумова уже не чувствовала ног. Сняли ботинки, попробовали растереть снегом. Но под жестким ветром стало еще холоднее, и ей пришлось идти вниз. Задержавшись на минутку, я смотрел, как маленькая человеческая фигурка быстро бежала по снежному склону...

Пошли дальше. Стало круче. И все меньше кислорода. Сердце работает, как мотор. Останавливаемся через каждые 100 шагов, потом через 50, через 30. Снег пока холоднее, как луна, не может справиться с морозом, а ветер попережнему мчится с вершин по склону и еще злее бьет по ногам... Теперь моя очередь: ноги колючей. Ох, как не хочется идти вниз! А надо. Высота — около 5.200 метров, — мы уже выше всех гор Кавказа Европа.

До вершины Эльбруса останется всего 400 метров. И никаких технических трудностей (в этом отношении Эльбрус очень добрая гора). Но ноги не желают на этот раз добраться до вершины. Я бою по ним палкой — чинякого ощущения. Надо скорей идти назад.

Иду.

Но на высоте около 5 тысяч метров сажусь на снег, закурываю ногу в бурку, достаю шоколад и ем его, «запивая» снегом. Высоко над собой вижу трепт птиц. Они подходят к основанию восточной вершины. Солнце поднимается. Я гляжу на Кавказ, распростерты вниз.

Еще одну ночь мы проведем в палатке на «Приюте Одинадцати».

Утром не торопясь пошли вниз.

И на том самом ледниковом пути, где нас трепал буря, теперь было жарко. Появились какие-то высокие комары, пачки, по леднику бегут ручьи, падающие в трещины, а там, на дне ледяных пропастей, шумят целые потоки. Весна на льду!

Приближаемся к «Кругозору». Рядом с ледником выросли цветы, темно-синие, желтые, ярко-красные. Издали виден нам горный осл. Пискала птица, где-то лают собаки, слышны человеческие голоса. Фролов выходит из палатки, сияет промок в восток и машет рукой в знак приветия.

1) Восхождение было совершено без проводников и альпинистов.

В „ХОРОШУЮ“ КИНОШКУ

Очерн ФЕДОРА МАЛОВА

В БИТКОМ набитом вагоне «А» мы едем смотреть картину в одном из лучших московских кино.

Рядом: Семка Бот и секретарь Жданов— модных демисезонных пальто, разглаженных брюках и, конечно, при галстуках. Они долго отмылились после работы в механическом цехе, а я ждал их с мехматами и торшерами.

— Усидеешь! — успокаивающе урезонивал меня Семка, скривив притупившейся бритвой по подбородку.

Он был очень доволен нашей затеей поехать в хорошую киношку и по-настоящему отдохнуть в выдвинувшей от всевозможных занятий вечер.

— Плохо вот, что попутрится нечем пудра после брития лицу придаст известную свежесть. М-да!

В это время в дверь постучали. Это пришли за нами девушки — Шура Моссельпром с Анютой, работницей от фрезерного станка. Они притянулись прямо до неузнаваемости. На Анюте новые фетровые боты и ярко годевая бархатная шляпка с жемчужным цветком на боку. А Шура важно расхаживала по комнате в визанной, мягкой шапочке-«коллачек» и полупальто на беличьем меху.

Семка попросил у них пудры. Анюта, сверкнув металлической дужкой редикюля, подала ему в бумажке щепотку.

— Только не всю трать. Нам не оставь без пудры.

На всех хватил, — успокоил Семка, натираясь пудрой перед осколком зеркала не пуховой, а прямо ладонью. — Ну, как, Васка, ты готов? — спросил он за пирум, где мать пришивала Жданову какую-то пуговицу. — Я уж и то совсем собрался!

— Интересно, кто идет сегодня? — спросил Жданов дорогой. — Неужели какая-нибудь заграничная американка?

— Увидим, скажем, — смеется Шура, спрыгивая с трамвая.

— Ишь ты, как горит! — газлет Семка на электрическую рекламу. — Целый завод осветить можно.

На фронтоне, освещенном нитью лампочек, крутились две маленькие ветрянки тоже из лампочек, но разноцветных. Узнаем, кто сегодня идет бытовая картина «Бодоворот», но нам, собственно, все едино. Цель поездки — отдых.

Наши билеты на второй вечерний сеанс. Сейчас почти только начался первый. Мы раздеваемся и проходим в фойе.

— Чис-то-тал — вырывается у Семки.

Июносматривает стены, потолок, люстры. Как будто смотрит на все такое впервые. Жданов вливается в витрины очередных картин, а Шура с Анютой

у зеркала охорашиваются, как весной тщи. Тоже чистосердечно обводились сверкающей чистоте и теплоту, прекрасному уюту.

Освещенное до блеска фойе, напоминало пышную ирмарочную карусель.

Он был доволен нашей затеей...

рами, тройками и большие ходила кругом разряженной публики, растворяя в воздухе лудру, одеколон, духи.

Мы взяли девушек под руки и тоже завертели в общем кругу. Жданов смотрел на все каким-то взглядом издалека. Видно было, что голова его была такой же занитой, как и в ячейке за текучими неотложными делами. Зато Семка вел себя изумительно. Он шел нарочито плавно, немного сутулясь из желания быть более модным. Свободной рукой

плавню и красиво размахивал, как поэт, и переставал жесткулировать только тогда, когда тайно от нас заправлял под костюмом вывихнувшую сорочку. И в это время нужно было видеть его лицо, чтоб понять все огорчение, какое доставляло ему это занятие.

Но Семка хотелась расшевелить серьезного Жданова.

— Брось ты, Васка, тучей хмуриться. Ведь не на собрание пришел, чего солидничать? Развлекайся.

— То и делаю, то и делаю, — растерянно повторил Жданов, смутившись своей серьезностью.

Анюта с Шурой попрежнему останавливались перед каждым зеркалом, и я со Ждановым вынуждены были терпеливо ждать, когда они кончат «свою беллетристику». И только фансонист Жданов в это избавительное для него время, немощно корчась, охорашивал свою сорочку, проклиная Московщев.

— Картины-то! Все советские, — говорит Жданов, кивая на рекламные фотографии по стенам фойе.

И я сам чуть-чуть иронически смотрит на плавно ступающего Семку.

— Еще у нас любовь засниают плохо, — продолжает разговаривать Анюта. — Вот страдание куда лучше выходит!

— Да! — обрывает ее Семка. — Картина всегда строится на любви и разных увлечениях. Кино для того и создано, чтобы дочиства любовь показывать и осыпать разнообразие жизни.

— Кино создано для того, чтобы показывать борьбу, труд и общественные достижения, — авторитетно, словно профессор, выпалил Жданов.

— Вот это неправда, — перебивает его Шура. — Про это мы и в газетах читаем. А кино для веселого отдыха, для удовольствия.

— Это живая школа где бы я увидел француз, англичан, арабов, кроме кино! — говорит Анюта. — А я пойду и на все насмотрюсь в кинематографе. Вот, например, «Богдальский вор» — ах, какая красивая выдумка! Хотел и знаешь, что неправда, а все же очень красиво.

— Ну, уж наша про что! — говорит — резонит Семка. — В любой деревенской сказке больше фантазии, чем в «Богдальском воре». Да и никакая классовая борьба в нем не показано. А вот я хожу, все разные картины вижу. Ну, а лучше любви ничего не выдумал.

— Кто что ищет, то и находится.

Шура хохочет, и оцент даже громко. Это, видно, не нравится giusto зашту-

Семка попросил у них пудры

катуригним парфюмерией и косметикой «град дам».

Но мы гуляем, не обращая на них внимания. Зашли в углок-читальню. Потрогали шахматы, полистаи газеты и журналы и опять закружились в людском потоке. Шура откопала в углу фойе неомверного великана. Он стоял, согнувшись в три погибели, и что-то выисал своей низкорослой спутнице.

— Нет, нет и нет! — капризно и властно выговаривала та, смотря, как на колокльно, на своего необыкновенного на кавалера. — Этому никогда не бывать.

Семка поострил насчет их роста; мы посмеялись и не заметили, как протекло время. Даже как будто мы еще и не нагулялись в фойе.

Зрители вывалили за один мах; вал проветрили и поправили стулья. Мы с удовольствием заняли свои места.

— Пожалуйте, берите, больше берите! — и Жданов неожиданно раскрыл перед девушками коробку леденцов.

Девушки смеялись уже главе в свои платки. Жданов то-и-дело вставал, давая проход другим. Несмотря на полусвет, он и в зрительном зале сумел отыскать себе что-то в роде объявления, чтобы почитать.

Свет погашен. Экран открыт. Чуть шелестящий мотор пушен. Рояль невидимо играет в углу. На экране загорелась надпись.

Девушки, стихнув, смотрят внимательно. А Жданов застыл около меня в покойной позе и смотрит и отдыхает в одно и то же время.

— Мне не нравится лицо героя, — морщится Семка.

— И правда, — подтверживает его Анота. — Почему он такой некрасивый, даже стариковатый на лицо.

— Вот героиня, так та интереснее, — дунит свой смех Шура. — И другие тоже на лицо похожи.

Спрашивает мнение Жданова.

— Раю еще судить, — отвечает тот сквозь зубы.

Семка даже захохотал, когда на экране стали фигурировать свиный, телата, дворян. Но и он ополчился на Степана — героя картины.

— Когда же, наконец, станут нас, рабочих, заснимать в картины по-человечески. Что неряшливее человек, то и в кино. Что безобразнее образина, то и на экран.

А вот это, ребята, еще хуже, — видит молвил Жданов. — Массовая — то сцена совсем не связана с действием.

Он говорил о кадрах массового гуляния и праздника, в которых тематическая нить заметно слаба.

Анота сокрушалась:

Ухлопают они его, мерзавцы! Пропадет любовь ни за что!

— Ну, ничего! — успокаивал ее Семка. — К концу обязательно благополучие и счастье выищутся.

— Картина картиной, ничего себе.

— Я понимать как-то не успеваю. Одно другим захлестывается.

Вот американские дочиста понимаются, —

замечает Шура. — А наши — все еще с затемнением, не всегда понятно, что делается.

— Скоро разве научишься, — мудро объясняет Семка. — Любовь она вско бывает. У одних быстрее и легче, у других, как улитка, ползает и все с незадачей. А кино-артист тут и должен думать: «какую же из них показать?»

— Знаю, и ту и другую.

... мы были вынуждены идать, когда они иончат «свою беллетристику».

— А если перепутать.

— Мне слова нравятся в надписях, — говорит Жданов. — И то, как пионеры в трубы трубят, — это смешно и весело.

Семка соглашается с ним. Шура с Анотой негодуют по адресу отрицательных героев и укасаются от их гадких поступков. Они диссосреденно и без лицемерия жалели нарочито несчастную героиню, но заведомо трудный путь любви раздрожал.

... раскрыл перед девушками полную коробку леденцов

— Это, брати, не деревня, — взволнованно замечает Семка. — Тут только один непорядок и был.

— Не мели зря, — осадил его Жданов. — И хорошие и плохие в одну картину не уместить!

Семка в гардеробе достал нашу одежду и зараз одевал Шура с Анотой. Они захотели еще раз справиться «свою беллетристику». Для этого снова мы вошли в фойе, и они там впоследствии посмотрелись в огромное зеркало.

— Даже зялко уходить — чистота какал! — невольно вырвалось у Семки.

— И тепло; видно, хорошо топят.

— А у нас в рабочей окраине кино на пожарный сарай похоже. Еще пожалуй хуже: грязь, холодина, темнота. Да и с картинами одна проволочка. Пустат какую-нибудь шваль «третьим экраном» да враную всю: больше сидишь в потемках, чем на экран смотришь. То лента оборвалась, то двери хлопают. Никакого порядка.

— Это еще что, — подхватывает Семку Шура. — А вот в патиуну так вместо одной картины другую стали показывать. Деньги сорвать сорвали, а надули, черти, здорово.

— Ладно, не разоряйся, — перебивает ее Анота и тут же предлагает: — пойдемте в рабочий клуб! Может еще успеем.

— А что там сегодня?

— Пинг-понг или гимнастика.

Жданов вспоминает о каком-то неотложном деле и оставляет нас на полудути.

— Пойдемте в другое кино, — предлагает Шура. — Посмотрим другую неселенскую картину.

— Вот еще выдумала!

— Прого, домой еще рано.

— Не меши куриц-то, — укоряет Семка. — Никто в одно вечер заодно любовь и драму не смотрит.

Мы не пошли ни в клуб, ни в другое кино. Первая запрослась домой Шура: — Не хочется настроение портить. В клубе, наверно, и сыро и гадке нестерильный. Лучше почитаю роман до сна.

Семка поддерживает ее и с горечью стал выражать свое недовольство клубом...

На другой день я зашел к Семке в заводскую коцегарку. Без рубахи и в кожаном фартуке он возился в колосниковых пещерах — красный, отпавший пламенем страшно шумящей топки.

— Не подходи — ошпарит! — закричал он на меня и бросил с грохотом раскаленную коцегарку на асфальтовый пол. Продув володерное стекло над котлом. Семка пустил инжесторы, которые стали накачивать в котел воду, понизившая, как маленькие поросата в меншке.

— Вот видишь, каково здесь? — обвел глазами всю коцегарку Семка. — И ничего не поделаешь — такое мое занятие. Здесь не до чистоты. А после работы, узнаю, отдохнуть по-хорошему хочется, как, например, вчера: забавно ведь провели вечер! Ну, да ничего: когда-нибудь и при нашем заводе таких порядков добьемся.

Сказав это, он загудел в басовитый заводской гудок, издававший об окончании трудового дня.

ЗАДАЧИ и ИГРЫ

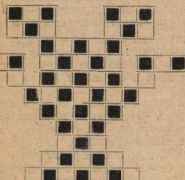
Под редакцией Л. Е. Рубинштейна

№ 38. АРИФМОГРАФ

11	2	1	3	1	4	5	6	7	8
9	10	11	12	1	13	1	8	1	5
14	15	6	16	6	5	10	11	8	1
17	1	4	10	11	8	10	15	6	18
19	5	6	28	13	3	1	20	7	10
21	10	15	22	7	10	15	19	9	6
5	10	23	19	9	19	5	14	20	16
24	21	5	10	3	1	4	6	5	19
23	10	15	8	1	8	5	6	25	10
5	19	11	26	10	11	15	5	14	19

В этом календаре требуется буквы заменять буквами, поставив на местах одинаковых чисел одинаковые буквы, так, чтобы в горизонтальных рядах фигуры можно было прочесть ряд названий произведений одного автора, а в одной из диагоналей первые буквы имени и отчества и полностью фамилия его.

№ 39. ГОЛОВОЛОМКА

Фигура составлена из 12 отрезков. Из них требуется составить шахматную доску (в решении пазлуктор отсечте отрезки).

№ 40. ЗАДАЧА

Два школьника подошли к колодезю. — Интересно было бы узнать, какой глубины колодезь? Жаль, что нет сантиметра, а бы измерил, — говорит один. А другой: — А я измерю его глубину без всяких сантиметров. Угадай, как я измерю глубину колодезья? Н. Гостев (Москва).

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, помещенных в №№ 2 и 3.

№ 6. Задача (1 очко)

Два удара ножицами на доске дали и два крест-накрест. В результате фантомный буржуй. Решения: В. П. Васильев, С. Шор (Москва), В. М. Хвостов (Астрахань).

№ 7. Загадка (1 очко)

Рим — мир

Решили: те же и И. Переначев (Тульское), К. Подрабинец (Курск), С. Босков (Смольск), М. Дочет (Одесса), В. Иванов (Орл. г.), В. А. Кисин (Татарск), И. В. Попов (Н.-Тавричск. окр.), В. Лазарев (Нахичевань).

№ 8. Арифмограф (1 очко)

И-р-о-с-л-а-в-с-к-и-й
1 3 3 4 6 7 8 9 10 11

Решили: те же и Элла Карладова (Архангельск), В. Введенский (Москва), Вера Анжу (Томск), М. Махонская (д. Скорода, Смоленск).

№ 9. Задача (1 очко)

И все-то наша жизнь есть борьба? Решили: те же, за исключением последних букв (№ 8).

№ 41. ГОЛОВОЛОМКА

Силуэт осли преобразить в буржуа.

№ 42. ЗАДАЧА

Шура Хаския (ст. Озетовка)

	В				
Т	Г	С	Д	А	
М	У	С	У	И	
О	Ч	Е	Р	И	
О	К	Е	А	П	
Е	М	С	Е	О	
Ш	В	И	И	З	
П	Т	Ш	Ч	Ю	
О	О	Г	А	Н	
А	Ц	И	И	П	
	Р	И	А		

Ход коня.

№ 10. Загадка (2 очка)

К	1	Л	32	У	2	В	1	Т
80	Л	8	И	29	С	4	81	
Л	28	И	5	Т	27	Р	6	
7	И	28	Т	8	Л	25	А	
У	24	Т	9	К	23	А	10	
11	С	22	Л	12	О	21	И	
В	18	Р	20	А	14	К	19	
18	Т	13	А	17	И	16	К	

Решили: те же, кто и № 8.

№ 11. Загадка (1 очко)

Шуруп

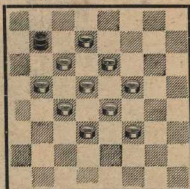
Решили: те же, кто и № 8

№ 12. Загадка (1 очко)

Лось

Решили: те же и В. А. Кисин (Татарск). № 14. Задача (2 очка)

1. Первоначальное положение шаек на доске:

Л: б7, Пр: д7, с8, е8, б5, д5, ф5, е4, е1, д3, г3.

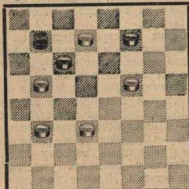
1 ход пр: д5: ф7
2 ход пр: ф3: д3
3 ход д: б7: е4
е4: г6
г6: е8

№ 13. Задача (2 очка)

Кимь доинчик

Решили: В. Иванов (Орл. г.), М. Дочет и Р. Блом (Одесса).

2. Положение шаек на доске после второго хода:

Дамка начинает и ест две шахи. Таким образом при помощи трех ходов съедено 10 шаек. Решили: В. П. Васильев (Москва) и В. Лазарев (Нахичевань и/д).

№ 15. Загадка (1 очко)

Клуб, булка

Решили: В. Иванов (Орл. г.), В. А. Кисин (Татарск), В. Лазарев (Нахичевань и/д).

№ 16. Буриме (2 очка)

Из приведенных стихотворений крайнее трудно было что-либо выбрать. Жени очень неудачны. Привожу только одно:

Товарищу

При царь, и век безотказный. В моду карты так вошли. Женю очень неудачны. Привожу только одно: Лесат, посмотришь, король.

В наш век иной игрок важный Ты, мой приятель, уж знаешь. Забыть азарта хмель бумажный И слово глумливое — горько. Ты, ведь, рабочий — оный заводной. И должен ты культурно жить. Пора с промывочной колодой Твои бы, милый, не дружить. С. Лузанов (ст. Скуртаво)

№ 17. Загадочная картинка (1 очко)

„Заяц“ между лешами. Расуное повернуть.

Нашли: Г. Макаров, В. Иванов (Орл. г.), М. Дочет и Р. Блом (Одесса), В. Лазарев (Нахичевань и/д).

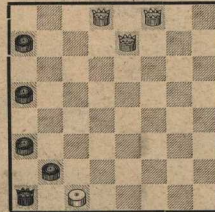
ШАШКИ

Под редакцией В. В. Меднова

Минус решения задач и этюдов

Задача № 3

В. И. ШУМИЛИН (ст. Висельки) печалится парня

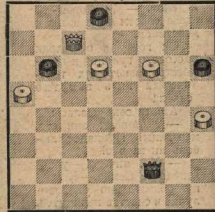

Белые начинают и заиграют дамку и в первых черных.

Белые: Д: д8, е7, ф8, е8. Черные: Д: а4, пр: а4, а5, а7, б2.

Этюд № 3

Ф. ДОММЬЕЛЬ (Ташкент) начинается вперью

Белые начинают и выигрывают. Черные: Д: ф7, пр: а4, е6, ф6, б1. Черные: Д: ф7, пр: б4, е6, б6.

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Сломина

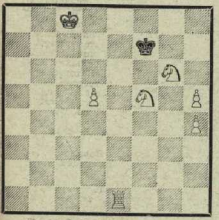
Задача № 13

В. Хаустов

Задача № 14

А. Гавришев

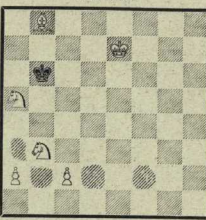
РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 2 и № 3
ЖУРНАЛА „СМЕНА“.

Мат в 2 хода

Все задачи в этом номере приводятся нашим читателям.

Фамилии гг., приславших правильное решение, будут напечатаны.

Мат в 4 хода

ОРГАНИЗУЙТЕ ШАХМАТНЫЕ КРУЖКИ!

Шахматное общество, функционировавшее в дореволюционные годы, имело около 1.000 организованных членов. Молодое советское шахматное движение, руководимое, с одной стороны, профсоюзами, с другой — советами физкультуры, уже сейчас, по грубому подсчету, насчитывает до 100.000 организованных в кружки шахматистов! И самое отрадное в этом факте — это огромный процент молодежи, составляющей в большинстве случаев актив шахматных кружков. Организовать комсомолу необходимо сдать из этого актива список ответственных вояков, взяв на себя руководство этим движением. Уже нужно дать принудительное направление, и тогда шахматы действительно станут фактором новой культуры, новой быта!

Результаты в шахматы не значит еще играть в шахматы. Необходима постоянная работа

над повышением квалификации. Такая работа возможна только в шахматных кружках с определенной программой занятий, с турнирами, матчами, спортивной стороной которых является движущим элементом для повышения качества игры.

Необходимо всюду организовать в шахматные кружки. Мы обращаемся с призывом к нашим читателям — быть инициаторами в этом деле. Если на нашей фабрике, заводе, в вашем учреждении нет еще шахматного кружка, немедленно свяжитесь с шахматной организацией вашего союза, выясните отношение обобщим собрания шахматистов, организуйте его на началах обязательности для актива и заинтересованной шахматными молодежи.

Редакция «Смены» будет оказывать вам всяческую помощь. Пишите в редакцию о всех своих нуждах, сомнениях, шлите запросы о технике организации кружков, турниров. На все вопросы получите письменные исчерпывающие ответы. Шлите кружкам ваших кружков, партии членов вашего кружка, сочиненные вашими шахматистами задачи и этюды. Весь интересный материал будет печататься.

Шахматный отдел «Смены» должен стать центром и организмом шахматных кружков молодежи. От самих читателей зависит сделать его действительно таковым.

Задача № 3. Заключил. 1. Ф4d1.
Задача № 4. С. Калыгин. 1. Ф4f1-ab.
Задача № 5. Д. Кабал. 1. Кd5-b3 (слова часть диаграммы): 1. Д5e7-т7 (правая часть диаграммы). Решения в виде задачи и прилагаются. Д. Улынов (Востром), Г. Слазид, Л. Улынов (Востром), Г. Злозов (Симферополь), Д. Ластов (Москва), К. Тузунов (Пугарево), Ш. Лизидзе (Тбилис), С. Воронов (Вологда), Л. Френкель (Ленинград), К. Кувалдин (Ленинград), С. Тренова (Смоленск).

Решение задачи № 3 прилагаются. В. Сидоров (Орел), В. Хлопост (Астрахань), В. Курбанов (Москва), Л. Соловьев (Минск), В. Рышков (Москва), С. Прохоров (Омск), А. Вараднова (Улан-Удэ).

Решение задачи № 4 прилагаются. В. Залознев (Харьков), В. Сидоров (Орел), В. Марулюк (Краснодарский край), В. Плавинский (Ленинград), Леонтьев (Москва), К. Рыков (Тверь), Решения в виде задачи № 5 прилагаются. В. Залознев (Харьков), В. Плавинский (Ленинград), М. Лаварев (Москва), В. Ялта (Краснодар), М. Тесочкин (Самара).

РЕЗУЛЬТАТ КОНКУРСА РЕШЕНИЙ НА УПРАВНЕНИЕ № 1.

Наилучшим образом положение представлено в этюдах Д. Ливко Гавришва и в этюдах В. Плавинского, который и присужден объявленная премия. Самые лучшие решения присуждены А. Сидорову за решение в более короткое количество ходов на угли, однако, все возможные варианты в этюде не превзили оптимального решения т. Гавришва.

В конкурсе участвовало (в порядке возрастания): А. Кузовов (Вранск), Д. Гольдберг (Симферополь), И. Белик (Томск), И. Шавинский (Феодосия), Демарат (Тбилис), С. Федор (С. Оленок), М. Сидоров (Турга), Г. Красильник (Орел), И. Забелин (Иркутск), Г. Родичев (Харьков), В. Курбанов (Москва), В. Ялта (Кавказ). Бюлетены ответов, как с помощью переписки, редакцией в конкурсу не приняты.

Первоначальное положение: Белые: Кр4d, Св1, Кр2d3. Черные: Кр6f1. Задачей здесь является отвлечение черного короля в угол восточного слона, где ему возможно дать мат. Поблтку черный король будет стремиться занять угол противоположной цветности слона, где ему даст мат нельзя. В этом простом с виду, но чрезвычайно сложном положении таится истинное количество вариантов. При правильной защите черых, самый короткий мат возможен на данном положении на 24-м и 27-м ходах. Рассмотрим главные варианты:

1. 1. Кр4d-c6, Кр6e-c7, 2. Св1-f5! Кр7-f7, 3. Кр6f Кр6f, 4. К6f Кр6f (на 4. Кр6f? 5. Св1), 5. Кр6f Кр6f? 6. К7f Кр6f, 7. Кр6 Кр6f, 8. Св1 Кр6f, 9. Св7 Кр6f, 10. Св7 Кр6f, 11. Св7 Кр6f, 12. Кс Кр6f (на 12. Кр6f? 13. К4f6 Кр6f, 14. Кр6f Кр6f, 15. Кр6f Кр6f, 16. Св6+ Кр6f, 17. К6f Кр6f, 18. Св6+ Кр6f, 19. Кр6f Кр6f, 20. Кр6f Кр6f, 21. К6f Кр6f, 22. Кр6f Кр6f, 23. Св4 Кр6f, 24. Св8 Кр6f, 25. К6f Кр6f (на 25. Кр6f, то 26. Кр6f Кр6f, 27. К6f+ Кр6f, 28. Св7 Кр6f, 29. Кр6f Кр6f, 30. Кр6f Кр6f, 31. Кр6f Кр6f, 32. Кр6f Кр6f, 33. Св6 Кр6f, 34. Св8 Кр6f, 35. К6f Кр6f, 36. Св7 Кр6f, 37. К6f+ Кр6f, 38. К6f Кр6f).

Примечания: на 11. Кр6f можно последовать 15. Св8 Кр6f (если 15. Кр6f, то 16. Кр6f Кр6f, 17. Кс Кр6f, 18. Кр6f Кр6f, 19. Кр6f Кр6f, 20. Кр6f Кр6f, 21. Св6+ матом на 23 ходу), 16. Св Кр6f (если 16. Кр6f, то 17. Кр6f Кр6f, 18. Св8+ Кр6f, 19. Кс Кр6f).

20. Св8 Кр6f, 21. Св8 Кр6f, 22. Св7+ Кр6f, 23. Кр6f+ Кр6f, 24. Кр6f Кр6f, 25. Кр6f+ Кр6f, 26. Кр6f Кр6f, 27. Кр6f Кр6f, 28. Кр6f Кр6f, 29. Св4+ Кр6f, 30. Кс Кр6f, 31. Св6+ мат в 2 хода.

Вариант «В» (до 12 ходов первый вариант)

13. Св8 Кр6f (если 13. Кр6f, то 11. Св7 Кр6f (14. Кр6f, 15. Кр6f+ и затем 16. К4f7, 17. К4f+ Кр6f, 18. Кр6f+ т. д. Если 13. Кр6f, то 14. Кр6f Кр6f, 15. К6d, 16. К6f Кр6f, 17. К4f7 Кр6f, 18. Св8 Кр6f, 19. Кр6f (если 18. Кр6f, то 19. Кр6f Кр6f, 20. Кр6f Кр6f, 21. К6f+ т. д. и в предположении варианте: 15. Кр6f Кр6f, 20. К6f Кр6f, 21. Св7+ Кр6f, 22. Кр6f Кр6f, 23. К6f Кр6f, 24. Кр6f Кр6f, 25. Св6+ мат на 28 ходу).

11. Св1-c4, 12. Кр6f-6e, 3. Св8 Кр6f, 4. Кр6f Кр6f, 5. Кр6f Кр6f, 6. К7f Кр6f, 7. Кр6f Кр6f, 8. Кр6f Кр6f, 9. Св5 Кр6f, 10. К6f Кр6f, 11. К6f Кр6f, 12. Св7 Кр6f, 13. К6f Кр6f, 14. К7f+ Кр6f, 15. Кр6f Кр6f, 16. Кр6f Кр6f, 17. Св6+ Кр6f, 18. К6f Кр6f, 19. Св8 Кр6f, 20. К6f+ Кр6f, 21. Св6f, 22. Св6f Кр6f, 23. Кр6f Кр6f, 24. Св6f Кр6f, 25. Св8 Кр6f, 26. К6f+ мат на 29 ходу.

1. Св4 Кр6f, 2. Св8 Кр6f, 3. Кр6f Кр6f, 4. Кр6f Кр6f, 5. Кр6f Кр6f, 6. Св4 Кр6f, 7. Кр6f Кр6f, 8. К7f Кр6f, 9. Кр6f Кр6f, 10. Св7 Кр6f, 11. Св7 Кр6f, 12. К6f Кр6f, 13. Св7 Кр6f, 14. Св7+ Кр6f, 15. Св7+ Кр6f, 16. Св8+ 4 черные получают мат на 18-м и 28-м ходах.

1. Св1-c4, 2. Св8 Кр6f, 3. Кр6f Кр6f, 4. Кр6f Кр6f, 5. Кр6f Кр6f, 6. Св4 Кр6f, 7. Св7 Кр6f, 8. К6f Кр6f, 9. Св4 в первом варианте мат на 21 ходу, во втором — мат на 22 ходу, в третьем — мат на 23 ходу, в четвертом — мат на 24 ходу.

1. Св4 Кр6f, 2. Св8 Кр6f, 3. Кр6f Кр6f, 4. Кр6f Кр6f, 5. Кр6f Кр6f, 6. Св4 в первом варианте мат на 21 ходу, во втором — мат на 22 ходу, в третьем — мат на 23 ходу, в четвертом — мат на 24 ходу.

ИСПРАВЛЕНИЕ. В задаче № 12 С. Плавинского на № 7 «Смена» поименована одна из шахматных фигур, а на 6-й ходовой этюде белой ферзь, а не пешка.

Почтовый ящик

Копия в у. Двойной шаг бывает, когда он объявляется сразу двумя фигурами. Революция (советско-индусского происхождения) обозначает всеобщий шахматно-правильный маневр. Короткая рокировка — когда король е1+ переходит на d1, а ладья сd1 на е1. Двойная рокировка — когда король е1+ переходит на с1, а ладья с1 на d1.

Многоим. Задача К. Осеня в № 2 «Смена» получила множество восторженных отзывов. В. Матуш в у. Основной недостаток задачи — отсутствие в ней вариантов. Решение слишком простое. Прислайте ему, стараясь усложнить и решить в у. В решении задачи Варданян Л. А. рокировка — Кр6f Кр6f. Кр6f г. и у. Ваши все решения оказались неправильными. В решении этюда на 11-м ходу вы назвали основный вариант (нужно делать из черных сильнейшие ходы, а не слабые). Задача № 7 при решении решения всегда внимательнее рассуждаете в ответах черных.

А. Кустов в у. По поводу варианта в этюде на 11-м ходу вы назвали правильный ответ.

К. Осеня в у. Решения неправильны. Довольно много. Все решения неправильны. Решайте внимательнее. И. Назаров в у. Вашу задачу, несмотря на ее многие дефекты, прислали.

В.И. Инлибин и Рыков за шахматами

